

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

ВЕСТАЛКА

Пьеса в двух действиях.

Инсценировка Николая Коляды по мотивам романа Николая Никонova «Весталка».

Город Екатеринбург

2022 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АВТОР, она же ЛИДИЯ ПЕТРОВНА ОДИНЦОВА – 50 лет

ЛИДА ОДИНЦОВА – 20 лет

АЛЁША – 20 лет

ПЁТР – 20 лет

ВАЛЯ ВИШНЯКОВА – 20 лет

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА ВИШНЯКОВА – 50 лет

КОШКИНА АЛЕВТИНА ИВАНОВНА – 50 лет

ЗОЯ

ФИСА

ЛИПСКИЙ – военврач

ТАИСЬЯ

ИРА

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА

СТАРУХА-НЯНЬКА

ЗНАХАРКА

НЮРА

ФРОСЯ

ВИКТОР ИВАНОВИЧ

ВЛАДИМИР ВОРФОЛОМЕЕВИЧ

КАПИТАН

МАЙОР

ВОЛЬДЕМАР

САМОХВАЛОВ

МИША

СЕРГЕЙ

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА

ГАЛИНА НИКИТИЧНА

ИВАН

... и другие

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЗАПЕВ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Словно сон какой-то.

Поле. Огромное, до горизонта, поле.

В поле - столы.

Праздновать веселое, отмечать грустное. Вот стол - поминальный, вот стол - ко дню рождения, вот стол - к Новому году, вот стол - к Рождеству, вот стол – отправляют в армию, вот стол – встречают с войны, вот – отправляют на войну ...

На столах тарелки, бутылки, горшки, хлеб и всякая всячина, по русскому обычаю – накормить, дак уж досыта ...

У столов - табуреточки.

Такие вот русские, крепко сбитые табуреточки на четыре ножки.

На них сидят, на них дети стоят и стишки рассказывают, на них гроб ставят. А то - табуреткой дерутся. Всякое бывает. Табуретка всегда и везде нужна – как без табуретки в доме?

В этом поле на каждой табуретке у столов сидят люди.

Все мои родные.

Вот баба Настюха. Вот баба Таня, вот тетя Люба, вот мама, папа, Вера, Надя ...

Вся родня моя колядовская.

Все в каких-то простых, обыденных одеждах. Не было у них денег на красивую одежду, хоть и работали всю жизнь. Заработать денег, чтобы детей прокормить, вырастить, на ноги поставить. Вот и вся забота у них в жизни была – про детей.

Кто в кепке, кто в косынке, кто в шапке, кто в валенках на босу ногу – «напробоску», как говорили в Пресногорьковке.

Русские люди.

Сидят и смотрят они не на стол, не на еду. Что еда-то? Когда они в жизни хорошо и вкусно ели?

Вся жизнь впроголодь. Стоит, простывает горячая еда на столе, картошка дымится молодая в чугушке, хлеб черствеет, соль камнем становится.

А смотрят все они вперед, на свое будущее.

Какое ты для нас?

По дороге к этим столам, на этот праздник будущего, идут две женщины.

Одна с палочкой, а вторая – помоложе, в руках у нее ребенок, укутанный в одеяльце.

Осень, птицы в небе летят. Березовая роща у дороги сбрасывает последние листья.

Идут эти двое по дороге.

Старуха в плюшевом пальто (называлось оно раньше «плюшёвка»), а женщина в фуфайке.

КОШКИНА. Ох, матушка-земля! И до чего же я тебя люблю! Всю-то жизнь я в тебе копаюсь. Всё мне не надоело. За зиму-то истоскуюсь: и когда это опять за огород приниматься? Доживу, или нет? Кому-то вот так наказание это, а мне вот – такая радость. Ребят у меня вот было только палкой загонять в огород копать, мужик – тоже ... Всё говорил мне: «Давай, мол, трактором спашем». А я не люблю. Наворотит трактор-то пластов, глину подымет. А я лопаткой всё, да лопаткой. Земля тоже, знаешь, Лида, всё понимает. И кто её любит, понимает, и кто владеет, понимает. Вот того она так и одаривает. Она, вроде, как женщина: ты её любишь, она тебе и родит. А не любишь - добра не дождёшься. Вот она какая, любавая моя. И ведь, гляди, обходим её, посадим все, дак она же просто смеётся ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Алевтина Ивановна, как мне тебя звать? Ты мне в матери годишься. По имени-отчеству? Как-то негоже вроде ... Бабушкой? Но ты же вместе со мной рожала, вместе в роддоме лежали, ты кормила грудью сына, когда молоко у меня пропало ...

КОШКИНА. Ты, вот чего, Лида, маету-то эту свою кончай. Не навеличивай давай меня и не «выкай» ... Мы ведь с тобой давняя родня, и вот, если хочешь, зови меня мамой. Мне-то как-то привычнее будет, да и по годам ты мне не в дочери, дак в снохи годишься ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мама ... Мама ... Мамочка ты моя ...

КОШКИНА. Ну, что? Легко чужого человека мамой назвать? Не плачь. Бабы слезы – вода ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Дак и ты, мама, гляжу: плачешь ... А что? Вот как: душа у меня, без меры чуткая ко всякой фальши, не встречает тут затруднённости. Видишь, как, мама: я нашла кого-то внешне совсем непохожего на мою родную мать, но уверенного в своем покровительстве и превосходстве, житейском знании, в умении меня успокоить и защитить, как дочь ... Мама. Мамочка моя. Мама моя ...

КОШКИНА. Ну, ну. Не болтай. Кто кого защищает – еще посмотреть надо ...

1960 ГОД. ЛИДЕ ОДИНЦОВОЙ 38 ЛЕТ.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Семь лет после войны я работала техничкой в школе. Потом за нелюбимым была замужем три года. Потом столько лет в Доме ребенка проработала. И вот встретила как-то Кошкину, вот она, идем вместе по дороге - мы с ней вместе в роддоме в 46-ом году лежали. Мне было тогда 24 года. А ей пятьдесят. А она рожала. И вот через столько лет после роддома встретила ее, а она мне говорит: «Тебе ведь жить негде? Ну вот. У меня, Лида, дом свой, живи у меня». И мы с дочкой, Оней, стали у нее жить. Дочку я нашла в Доме ребенка, приемная она, но самая родная. А родной сын мой – военный, служит далеко. И вот там, в этом доме у Кошкиной, умаявшись за всю жизнь, впервые за многие годы я стала высыпаться - в тишине. Великое и не понимаемое теперь людьми счастье. Как и я, Кошкина любила тишину. Даже телевизор смотрела редко.

КОШКИНА. А ну его к шуту. Глядишь, глядишь - только глаза заболят. А что выглядишь, тут же и забыл. Для лени это придумано. Лени плодить. А лени в России и так немерено. У нас вон в деревне дак лодырь на лодыре остались. Кто поспособнее, все уехали. А лодырь, ему что? Зарплата сейчас хорошая. Не за что, можно сказать, платят. Он и живет, телевизор глядит, да радио слушает, да водку пьет. Радио это с утра до ночи играет. Это разве надо так? Об спокойствии-то никто ровно не думает. А спокойствие-то - главное в жизни. От него и работа. А душа неспокойна - какое счастье? ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я была спокойна, знала, что Оня - она уже ходила в школу - будет и встречена, и накормлена. Оня с первых дней поладила с Кошкиной, звала бабушкой ...

КОШКИНА. А у мамы у моей одиннадцать детей было, у бабы Настюхи. А Сталин всё равно забрал мужа, папу Васю, на войну. И вот это она в деревне, подойдет к столбу с громкоговорителем, а столб стоял у сельсовета, подойдет к нему, стучит по столбу, смотрит туда, вверх, откуда говорили и Сталин, и Молотов, и Левитан и где, она думала, живет кто-то большой, кто на войну всех забирает, подойдет, постучит по столбу, посмотрит вверх и говорит: «Отпусти моего Васеньку домой ...»

1941 ГОД. В ГОСПИТАЛЕ.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Я прошу прощения, что врываюсь. Они вам все сейчас наговорят про меня такое ... Мы с Лидочкой дружили, конечно. С детства, можно сказать, со школы. Я ветеран войны. Ну, конечно, я уже умерла. И она умерла. И этот разговор у нас с ней там, вы понимаете, где ... Никакого рая нет и ада нет. Нас нет, уснули мы и всё. И вспоминаем, или, как Гамлет говорил: «И видеть сны ...» Вот и мы сны видим. И она обо мне так плохо говорит, вы знаете, в этих снах ... Вы ей не верьте особо, знаете ли ...

КОШКИНА. Да знаем.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Только, знаете, она вот как получила все свои награды, да не сразу, а через много лет после войны – ну, вы понимаете, что недаром это ... Ну вот. А потом еще ей какой-то орден иностранного агента дали в Москве – дак она вообще странно повела себя ... Ну вот как она получила все награды-то, дак как с ума сошла ...

ЛОБАЕВА. Я Лобаева Зина. Мы с Лидой войну прошли. Позже я в милиции работала, а Лида с ребенком у меня жила какое-то время. Но это после. А тогда, в войну – мы в госпитале вместе работали. Валя, она и я. Поезда подкатывали ночью или на рассвете.

Они были и сами как люди, усталые, забрызганные грязью, с пробоинами, с выбитыми стеклами, с окнами, заделанными фанерой, завешанными простынями, заткнутыми шинелями. Их приводил усталый, черный, будто обугленный, паровоз без огней. Он дымился впереди, вздыхал, как избитый великан.

МАРГАРИТА ФЁДОРОВНА. Ой, девки, как жить-то на свете хорошо, как хорошо, только войны бы вот не было. Нет хуже ничего войны, нет хуже ... А вот всё об ней поют, будто призывают. Ума нету у людей, вот и зовут её. Безумье, видать, Господь временами на людей насылает, за грехи, знать, это ...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Какие еще песни? Я вот всегда одну песню пою с войны ... «Ин дер нахт ист айн меньш них герн алляйне ...» Марика Рёкк ... Я только после войны этот фильм посмотрела. «Девушка моей мечты» ... Вот мой идеал!

ЛОБАЕВА. Его снимали в 43 году, когда мы мерзли в окопах. Блядина она, твоя Марика Рёкк. Другого слова нет. Мы в окопах гнили, а она танцевала. А потом дожила до 90 лет, жила, как сыр в масле каталась ...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. «Ин дер нахт ист айн меньш них герн алляйне ...» Столько лет прошло, а я всё пою и пою эту песенку ...

ЛИДА. Госпиталь был «тяжелый», помещался вблизи вокзала и в первую очередь к нам направляли самых нетранспортабельных. Приемка была ночами. Поезда прибывали и прибывали. То страшное, что творилось где-то, выталкивало покалеченных людей сюда, как незавершенные отходы жуткого «производства».

ЛОБАЕВА. Тяжелых выносили на руках, подавали в окна, они - кричали, матерились, стоял смрад бинтов, загнившей крови, невымытых, запачканных тел. Многие в дороге ходили под себя. Их укладывали на носилки, на одеяла, на шинелях несли к автобусам, к грузовикам, в телеги - грузовиков было мало.

МАРГАРИТА ФЁДОРОВНА. Госпиталь заполнялся, а раненые все прибывали - их размещали теперь уже в коридорах, в спортзале и даже на лестничных площадках, где находилось хоть сколько-нибудь свободного места. Самые тяжелые умирали.

ЛИДА. Я представить не могла таких ранений, когда распорота грудная клетка, вырвана вместе с плечом рука, оторваны ноги, снесена челюсть или все лицо - одно полусохшее, кроваво-черное булькающее нечто ... Как эти люди дотерпели до такого глубокого тыла и, «дотерпев», точно уже окончательно убедившись, что и здесь им не помогут, быстро умирали в гораздо лучших по сравнению с поездом условиях госпиталя.

ЛОБАЕВА. Уже тогда я поняла, что человек держится надеждой. Таких тяжелых мы называли «осадочниками». И многие жили потому, что еще несколько недель назад были крепкие, здоровые, молодые, и эти молодость и здоровье давали силы терпеть немыслимые раны.

ЛИДА. Меня определили в челюстно-лицевую группу отделения, где были почти сплошь тяжелые - раненые, у которых разбито лицо, оторван язык, снесены зубы, зияли черные дыры вместо носа и рта. Раненые не могли говорить, не могли есть и пить, иные и ничего не видели.

ВАЛЯ. Я кормила их из шприца Жане кашницей из сырых яиц, молока, растертого хлеба, они писали мне записки корявыми каракулями, мычали, силясь произнести хоть слово - у них была отнята судьбой и войной даже такая возможность. Не видеть, не говорить, не иметь никаких надежд! После каждой кормежки я была облита извержениями желудков, жидкой пищей, кровью, и меня шатало, когда выходила из палаты, сама похожая на этих людей, вся забрызганная и в крови, шла мыть фартук, менять халат.

НИНА. Я – Нина Рябкова. Моя мама погибла при бомбежке в Ленинграде. И я погибла,

кинулась под танк с гранатами, подорвала и танк, и себя убила. Да. Я непустила его. Я отомстила за всех. А тогда я тоже работала в госпитале. Иногда плакала вместе с этими потерявшими человеческий облик, и мой плач утешал их, они переставали биться, а кто-то даже начинал меня гладить по рукам и по плечу.

ЛОБАЕВА. Кто-то из раненых отказывался есть, просили дать им бумагу и писали одно и то же: «Убейте! Убейте!», «Не сообщайте родным». Другие держались. Но чувствовалось, каких сил стоило-давалось это терпение и что ждало впереди, если даже раны эти как-то заживут, как быть дальше, кто поймет и примет, хотя, конечно, и примут, и поймут.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Смены мои с Лидой совпадали редко, но мы стали встречаться чаще, когда я дежурила днем. Да. Я не святая. Но, согласись, Лида, во мне было много хорошего. Я нежадная, участливая, могла помочь, когда и не просили, плакала вместе с тобой, старалась утешить, я очень способна и легко решала любые самые трудные задачи по алгебре, по физике, свои и мои. Дома у меня были хорошие книги, и я всегда давала Лиде их читать. Я умела кроить и шить.

ЛИДА. И еще ты приносила в школу тайком толстые книги «Половой вопрос» и «Что надо знать, чтобы стать счастливыми в супружеской жизни». Книги ты приносила мальчишкам, я стыдилась их даже открывать.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Смешная ты. Весталка ты, больше никто. Я была красавица, настоящая красавица - это признавали все: ученики, одноклассники, учителя, даже директор школы Игорь Корнилович, строгий мужчина с орденом Красного Знамени за Гражданскую войну. Меня любили за красоту, за ум, за веселость, за то, что она нежадная, и любили как-то особенно - снизу вверх, как любят и обожают королев. Я была такая школьная королева красоты.

ЛИДА. И здесь, в госпитале, ты словно ярче расцвела, халат и шапочка шли тебе удивительно, подчеркивали румянец, спелую полноту губ, ясность взгляда.

НИНА. Не девушка - малина, а то и вишня в самом спелом июльском соку. Даже фамилия ее - Вишнякова - была ей как раз впору.

ЛОБАЕВА. И в госпитале ей приветливо улыбались все эти кобели-хирурги, от слова «хер» И наш начмед Оганесян, и тощий комиссар Дашевич, и начальник госпиталя Неверов - все, кроме, разве, секретарши начальника Нины Тарасовны ...

НИНА. Но особенно восторгался ею начпрод Виктор Павлович, мужчина с выпученными глазами вельможи. Начпрод был в госпитале важной фигурой. Валя теперь паслась у него постоянно, вход в недра склада был ей открыт, она совала Лиде обломки толстой плитки американского несладкого шоколада, или яблоки, каких мы и до войны не видали.

ВАЛЯ. Ешь, не спрашивай.

ЛИДА. Откуда у тебя?

ВАЛЯ. От верблюда! Знаешь, что он мне сказал недавно?

ЛИДА. Не хочу я твоего шоколаду!

ВАЛЯ. Ну, это ты брось. Вот еще, дурочка. Я ж с тобой как сестра. Не дури, Лидка.

ЛИДА. Да как ты можешь? Он же старик. Женатый ...

ВАЛЯ. Никакой не старик. Мужчина средних лет. Представительный. Глаза. Седина. Ну, потрогал. Что мне - жалко? Пусть потешится. Спать неделю не будет. Знаешь, какой он смешной? Гладит меня, а сам дрожит, как кролик. Или как вор. И глаза - такие кроличьи. А я думаю, вот бы крикнуть: «Жена!». Он бы, наверно, под стол полез. Ну, не дуйся, весталочка. Чего ты? Подумаешь ...

ЛИДА. У меня слишком детский вид?

ВАЛЯ. Девчонка ты. Лицо круглое, нос немного привздёрнут, торчит кончиком вверх.

ЛИДА. Я похожа на мать: волосы, как солома, за лето выгорают прядями до белизны, глаза серо-голубые. А брови у меня немного темнее волос, и еще в начальной школе меня дразнили, что я их крашу. Обычное лицо, не противное. И детского в нем - совсем ничего.

ЛОБАЕВА. Нас назначили младшими палатными сестрами. Мы именовались «вольнонаемные».

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. В этой школе мы когда-то учились с Валею классе в пятом, от дома было далеко, и где-то наша парта лежала теперь в огромной гряде парт и столов, не свезенных со двора. На дверях еще висели таблички: «Завуч», «Учительская» и номера классов, которые стали теперь номерами палат. И все еще стоял в коридоре крашеный белилами гипс: Сталин с пионерами.

ВАЛЯ. По форме полагалось называть этих красноармейцев «ранбольной», но мы меж собой, в обиходе, всегда звали их просто - «раненые».

ЛИДА. Я читала им книги. Книги были со мной всегда в жизни: и тут, в госпитале. И потом. Когда сама с ранением лежала в госпитале, и потом и раньше на фронте, и когда лежала в роддоме. Над книгами не смеялись. Всё можно опопшлить. Иногда в палате пошло пели ...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Не ври. Смеялись над песнями, которые тогда появились. И неправда, что пели со слезой на фронте «Синий платочек» или что другое ... Терпеть не могла «На позицию девушка» ... Какие слова, враньё! «И врага ненавистного! Крепче бьет паренек!».

ЛОБАЕВА. Пели эту песню иначе: «На позицию девушка! А с позиции мать! На позицию честная! А с позиции блядь!». Потому что так оно и было. Не помню, чтобы какая уезжала вдруг с фронта потому, что захотела. Нет. Захотела рожать, вот как, вот потому и уезжала с фронта. Называлось это пэпэжэ. Походно-полевая жена. Проще – блядь фронтовая. Солдатская подстилка.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Как я четыре года девственницей смогла – не знаю. Правда, и меня сломал комбат Полещук: напоил и изнасиловал. Он отец моего сына, но я ненавижу его.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. А я не знаю, кто отец моего сына. И что? Вот еще, про песни. Ходили по землянкам, окопам песни-отзывы и на «Синий платочек», который «больше не падает с плеч», и даже на «Катюшу»: «Отцвели те яблони и груши ...». Захмелась немного, всегда пели. Бывало, и под гитару, под чью-нибудь битую, хрипучую гармошку, под гребенку, а чаще просто так - какая и где на передовой музыка.

ЛИДА. Любили петь солдаты-казаки. Таких в нашей роте после Дуги оказалось трое, все вместе откуда-то с верхнего Дона: Агапов, Федькин и Глазастый. Агапов открывал запорожский желтозубый рот: «По Дону гуляет казак молодой ...» И землянка вздрагивала от хора.

НИНА. Эту песню не могла слушать - высказывала, пряталась в траншее, давала себе волю, уливалась слезами. Возвращалась в землянку, а там всё еще поют. Из военных любила песню «Я уходил тогда в поход ...»

ЛИДА. Вот как-то, тогда я работала в школе техничкой, на учительской вечеринке под гитару запели «В полях, за Вислой темной ...». Песня тогда была новая, и, когда услышала «Девчонки, их подружки, всё замужем давно», разрыдалась, не вынесла. На меня смотрели как на дуру. Никто из этих учителей ничего не знал обо мне. Ничего не говорила и я, тогда все больше молчали, привыкли так. Кого было удивлять, что ты воевал ...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Ин дер нахт ист айн менш ниht герн алляйне ... Вот это песня!

ЛИДА. Я читала раненым. Где бы я не читала «Войну и мир» - все затихали. Никто не издевался: мол, богатые, сучки, в платьях ходили. «Войну» я пропускала, конечно же, а всё, что про «Мир» было так красиво. И все замолкали ... «... Он выпустил, пожав ее, ее руку, она перешла к свече и опять села в прежнее положение. Два раза она оглянулась на него, глаза его светились ей навстречу. Она задала себе урок на чулке и сказала себе, что до тех пор она не оглянется, пока не кончит его. Действительно, скоро после этого он закрыл глаза и заснул. Он спал недолго и вдруг в холодном поту тревожно проснулся. Засыная, он думал все о том же, о чем он думал все это время, - о жизни и смерти. И больше о смерти. Он чувствовал себя ближе к ней. «Любовь? Что такое любовь? - думал он. - Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существует только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Бог, и умереть - значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику». Мысли эти показались ему утешительны ...»

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Одинцова! Одинцова! Проснись!

ЛИДА. Валю перевели в диетсестры. Она уже в третий раз упала в обморок на перевязке. Она умела это разыгрывать, еще в школе. Надо укол ставить - и Валя, шатаясь, молча выходит, идет вдоль стены, не может найти выход, учительница бросается к ней, класс замирает, Валю выводят. Минут через пятнадцать возвращается с улыбкой. Она могла так разыграть кого угодно, и сама верила в свои обмороки.

ВАЛЯ. Ну и что? Я смеялась и говорила Лидке по секрету: «Ловко я вывернулась? Ну и дураки. А ведь все поверили, даже ты. Смотри, Лидка, никому! Я ведь, правда, плохо себя почувствовала. Да-да! Да-да!».

ЛИДА. Такая она всю жизнь. Я ей даже завидовала. А я вот не могла так.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Да что ты врешь? Строит из себя великомученицу. Весталка, понимаешь. Я ветеран войны. Я всю войну прошла ... Я эту Лиду встретила на остановке, уже много лет после войны. Мы одноклассницы, знаете. А она выглядит на 20 лет меня младше. Вот почему? Да потому что она - не выростенная.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я стояла на остановке. Ехала по вызову к больному. И он оказался тот самый Полещук. Он меня не узнал ... Ты подъехала к остановке, где я стояла, на «Волге».

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Да. Я жена генерала. Генеральша. А ты кто? Тебя разжаловать хотели. За что тебя разжаловали-то?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Да не разжаловали. Нет, не разжаловали. Я пришла в военкомат через семь лет после войны ...

1952 ГОД. В ВОЕНКОМАТЕ

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. После Нового года получила повестку в военкомат. «Явиться для уточнения, имея при себе ...» А военкомат был там же, на улице Испанских рабочих, здесь получила я военный билет и отсюда уходила на войну. Здесь ничего и не менялось с тех пор. Те же коридоры, зарешеченное окошечко военного стола. Ходят, снуют красивенькие подзавитые девахи - вольнонаемные, но в глазах какой-то холод. Не идет женщинам служить в милициях, судах, военкоматах. За барьерчиком капитан, дежурный с красной повязкой. Знакомое лицо. Где видела? Не вспомню.

КАПИТАН. Вам вручаются две медали: «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Отечественной войне». Медали почти одинаковые, разные только ленты. Два удостоверения тонкого картона. Поздравляю. Распишитесь.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Первые мои награды спустя семь лет после войны. Такие есть у всех тыловики, хозяйственников, штабных машинисток, прачек, даже у Виктора Павловича. Вот теперь и я получила, дошел черед. Спасибо.

КАПИТАН. Мы, вообще-то, вас вызвали, товарищ Одинцова, по делу. Дело вот какое ... Вы значитесь военфельдшером, офицером? Ведь так?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Да. Младший лейтенант медицинской службы ...

КАПИТАН. Все правильно ... Все правильно. А-а ... Работаете?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Техничкой в школе.

КАПИТАН. Ну вот. И это нам известно. Значит, вы дисквалифицировались. Ведь так? Вряд ли станете отрицать. Медицина идет вперед. А кроме того, звание у вас ... фронтовое. И вот есть приказ. Распоряжение. Переводить всех таких товарищей в рядовой состав. Ну-у, в сержантский. Надеюсь, вы не будете возражать? Сейчас перерегистрация. К тому же у вас ребенок. Всё такое ... В общем, переводим вас ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Как же так? У меня отбирают последнее - мои офицерские погоны. Узкие, серебряные ... Я единственная в санбате до конца войны без наград ... И вот только две картонные коробочки в руках, там в золотой бронзе оттиснут портрет-профиль человека, который всеми считался образцом скромности, чести и справедливости.

КАПИТАН. Вы так об Иосифе Виссарионовиче? Ну-ну, Одинцова. Значит, не возражаете ... Ну, вот и прекрасно, переводим вас ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. За что же такое ... Как? Все давно решено без меня? Давно?

КАПИТАН. Я не понял вас, товарищ Одинцова?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. И не надо понимать. Я не согласна. Нет! Слышите, вы? Нет!

КАПИТАН. Что вы? Успокойтесь. Что?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Нет! Нет! Вы меня не переведете! Не разжалуете! Никуда! Слышите, вы? Сколько можно меня унижать? Я Сталину напишу!

КАПИТАН. Успокойтесь! Гражданка Одинцова! Что за истерика? Вы не дома. У меня - приказ. Понимаете вы? Приказ!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я вам не гражданка! Я не подсудимая! Меня не за что разжаловать! Не вам! Нет!

В дверь на крик заглянул дежурный майор. Вернулся со стаканом воды.

КАПИТАН. Да успокойтесь же! Вы что? Контуженая? Так же нельзя!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Хватит меня унижать! Да, я контуженая и раненая. Трижды ...

МАЙОР. Одинцова! Здесь у вас в карточке - одно ранение. Вы что-то путаете?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я? Путаю?

МАЙОР. Но у вас в карточке больше ничего нет. Какие еще ранения? Должны же быть документы! У вас должны быть награды!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Представляли. «За отвагу», к Красной Звезде и к Отечественной.

МАЙОР. А те два ранения? Справки где?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вы не верите мне?!

МАЙОР. К сожалению. Должны быть документы. Справки о ранении ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вы мне не верите? Ну, тогда смотрите. Справки с собой.

Лидия рванула кофту. Полетели пуговицы. Рванула рубашку.

Смотрите!

МАЙОР. Вы с ума сошли?!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Нет! Вы смотрите! Или, может быть, это я сама? Нарочно? А теперь и сюда! Мне не стыдно. Это ведь мои раны. Справки ... Может, еще? У меня и здесь. И еще полно, которые не считала!

КАПИТАН. Да что вы? Успокойтесь!

МАЙОР. Надо вызвать «скорую». Стойте, да я же вас знаю! Ну, танк-то помните? И Нину, мою подругу! Погибла под танком! Помните? Барак. За Днепром.

Майор обнимал Лиду. Капитан стоял в выжидающей нерешительности.

Пойдемте к полковнику. Застегнитесь как-нибудь. Поправьтесь. Здесь надо разбираться. Должны быть свидетели. С кем служили. Идемте.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Он повел меня из комнаты номер семь вверх по лестнице, на второй этаж, поддерживая под руку, как старуху, как водят пьяных и душевнобольных. Из здания военкомата вышла пошатываясь. Ныло сердце. Я, кажется, все еще плакала. Откуда взялось столько слез. Скопила, что ли, за семь лет? В руке сжимала свой офицерский билет и желтую справку. При мне военком звонил в райсовет. Просил выделить комнату.

1944 ГОД. В ГОСПИТАЛЕ. РАНЕНИЕ

ЛИДА. Если бы где-то перед ночью меня не понесли в операционную палатку, я бы вряд ли осталась жива к утру. Я не чувствовала, что рана кровоточила, что я подплывала кровью, и, когда снимали с носилок, оказалось, лежала в сплошной кровавой луже.

ЛИПСКИЙ. Что такое?! Почему столько крови? Снять повязку! А, черт! Задета вена. Тут кровь не остановить. Надо переливание ... Девушка! Очнитесь ... Вы слышите?

ЛИДА. Почему снежинки черные?

ЛИПСКИЙ. Вы меня слышите? Сестра? Как вас зовут? Раненая, отвечайте! Одинцова? Отвечайте?! Вы слышите?!

ЛИДИЯ. Слышу ... Зачем ... О-о ... О-оль-но-о ...

ЛИПСКИЙ. Ну, жить будете ... Венку мы вам сшили. Точно он вам, подлец, попал. Еще и кость задел ... Несите следующего ... Смените ... Не могу. Закурить дайте ...

ЛИДА. Что там такое? Ведь всего-то пулевое ранение. Сквозная дырка? В ране желтый фитиль с риванолом. Толчками ходит-тычет боль. К вечеру жар. Пышет лицо. Сохнут губы. Качает вагон. А колеса стучат: «Домой-домой ... Домой-домой ...». Госпиталь на знакомой Первомайской улице. Госпиталь - школа, довоенная, в четыре этажа. За школой близко железная дорога. И с нашего верхнего, четвертого, ходячие говорят, видно поезда. Рана моя не заживает, гниет кость ... Ходить не могу, сидеть с трудом поднимаюсь на локтях. А за окном лето. Жара. В окна ветер бросает сухой пылью. Шуршат-шелестят тополя. Война меняет даже деревья. Вот раньше, когда здесь была школа, в тополях гнездились и пели птички. Женское отделение госпиталя - отгороженный от общей мужской части коридор - несколько палат. Да и непонятно, зачем отгорожены.

ФИСА. Затем. Все-таки мы - женщины ...

ЛИДА. Это после фронта-то! После землянок! И двор отгорожен забором. Глупость на Руси неумна. Женщины в палате куда тяжелее меня: двое без обеих ног и одна совсем без рук и без ног. Воевала в танкистах, обгорела, обмерзла, осталась жива ...

ЗОЯ. Таких раненых в войну называли «самовар». Зовут меня Зоя. «Жизнь», значит. Вот тебе и жизнь. Без рук и ног, еще молодая, лицо пострадало меньше всего, я красивая, с тяжелой фигурой, белозубая, я из породы неунывающих, хотя и плачу ночами.

ФИСА. Фиса, молчунья, все хочет отравиться, повеситься, отказывается от еды, капризничает, никому ничего не прощает. У Фисы нет ноги и вторую хотят отнять. Иногда пожалуется на боль в отнятой ноге. Мечтает, когда выпишут. По профессии она швея и на фронте была швеей, попала под бомбы.

ЛИДА. Как больно ...

ФИСА. Ну - не пропаду! Руки целы. И мужика найду. Иные, говорят, калеченых баб куда как любят. У нас в мастерской была девка с одним глазом, дак отбою не было. Правду сказать, было у ней за чо взяться, а мужику это главное. Себя, слава Богу, обслужить тоже могу. А там протезы - проживем, девки ...

ЗОЯ. А тебя ведь и руки, и ноги есть, Лида. Даже завидно.

ЛИДА. А бедро разносит, вся нога уже синяя. Страшное что-то в ноге. Смотрел уже и заведением, и консультант, главный хирург, профессор Липский, пожилой и важный.

ЛИПСКИЙ. Одинцова, ногу ампутировать надо непременно. Нет времени на раздумья. Максимум сутки-двое. Я сорок лет в медицине и за сорок лет чуда не видел. Гангрена. И прогрессирующая. Во фронтовых условиях рана была обработана плохо ...

ЛИДА. Может быть, пенициллин ...

ЛИПСКИЙ. Пенициллин? Где же мы его возьмем? И вообще, пенициллин ... Новое средство. Но ... Газовая гангрена ... За пенициллин теперь все хватаются. У нас тоже. Во всем городе. Да при гангрене, Одинцова, он и не изучен. Сегодня, скорее, это фетиш ... Вы меня понимаете? Ну, популярно ... Это - а ... Как бы ... Панацея ...

ЛИДА. Вы говорите всегда пустыми словами ... Я все поняла.

ЛИПСКИЙ. Поняли? То есть средство от всех болезней. Но - это миф. Хотя, если б пенициллин был ... Можно было бы попробовать. Провести курс терапии ... Но нет ... Нет! Английское средство. Антибиотик. А мы и сульфамидами подчас не располагаем. Я уже говорил с начальником аптеки. Нет. В общем, Одинцова, мы настоятельно просим. Ставка - жизнь. Поймите нас. Выбора нет. Я понимаю ... Вы молодая женщина ... Может оказаться так, что через неделю и мы уже не будем в состоянии помочь.

ЛИДА. Ампутировать ногу не дам. Нет. Куда я без ноги? Да и не поможет никакая ампутация. Из раны течет стаканами, нога, как бревно, жуткая, фиолетовая ступня, черные пальцы, ногти, похожие на желтые зубы.

Липский погладил Лиду по голове, как маленькую девочку, и вышел. Следом вытеснились заведением, врачи и сестра. В палате тишина. Посапывают. Обдумывают. Молчат.

ВАЛЯ. Вот она где! Вот она!

Перед Лидой в белом халате поверх военной формы Валя. Валя Вишнякова, давняя подруга.

ЛИДИЯ. Валя, ты?!

ВАЛЯ. Лидка?! Лидка-а! Неужели это ты? А я узнала. Случайно ... Гляжу списки - и там твоя фамилия! Спрашиваю, когда поступила, говорят, уже месяц! А я не знала! Лидка!

ЛИДА. Лицо холодное, свежее, пахнет яблоками, сладкими, неизвестными мне духами.

ВАЛЯ. Как ты здесь?

ЛИДА. И ты повоевала?!

ВАЛЯ. Все было. Я здесь уже месяца полтора. Мой отправил. Я ведь замужем. Там вышла. На фронте. За начотдела. Ну, хороший мужик попался, спокойный ... Старше, правда ...

ЛИДА. Ну вот, ты опять прежняя Валя. Как же тебя ... сюда. Война же ...

ВАЛЯ. А я ... Ну, сама понимаешь ... Буду рожать ... Не скоро еще, правда ... Но ... В общем ... Отправили в тыл ... Ой, Лидка! Ведь разбежались тогда. Потерялись. Ни писем, ничего ... А я к тебе еще ночью заглянула. Смотрю, спишь, ты, не ты - не могу понять. Изменилась ... Бедненькая моя девочка! Ну, ничего. Поправишься. Я сама за тобой ходить буду. Лидка, милая, вот я тебе принесла. Ешь! Тут ранние яблочки, конфеты в обертках. Ешь! А я сейчас поговорю, нельзя ли тебя перевести ...

ЛИДА. Никуда меня не надо! Нормально здесь. Хорошо ...

ВАЛЯ. Помолчи. Я разберусь. *(Убежала)*.

ЗОЯ. Из пэпэже, сразу видать.

ФИСА. Да, баба-палач. Такая-то нигде не пропадет. Красивая ... Глазки-то ... И фигура ...

ЗОЯ. Кому война, кому мать родна ... Ишь, ордена-медали. Ты-то как ее знала?

ЛИДА. В школе учились. Подруга. Вместе на фронт уходили.

ФИСА. Только вы, видать, в разных местах воевали. Ты на холоде, она - в тепле.

ЛИДА. Ладно, девчонки! Не сплетничайте. Кому как повезет!

ФИСА. Вот я и говорю: кому - молоко, кому - кринка.

ЗОЯ. Ничего. Проживешь, Лида. Что ты? Одну ногу. Жаль, конечно. Ну, а жизнь дороже ... На меня смотри. Мне как? Ничего не оставили ...

ЛИДА. А жить надо. Жизнь дороже.

ФИСА. Дороже ... Кому надо нас, таких-то? Кому мы? Милостыньку по углам собирать? По вокзалам ползать? Видала ... Я бы сейчас, кабы могла, к окошку бы и ...

ЗОЯ. Тут не убьешься ... Еще больше окалечишься. Глупая ты, Фиса.

ФИСА. Один черт мне. Не хочу быть такой. Вон, железка-то ... Рядом. Подползу и башку под поезд. Только вот выпишут ...

ЛИДА. Да перестаньте вы! Что вы завелись! Под поезд! Выжить надо! Назло всему!

ФИСА. Ты не дрейфь, Одинцова. Жизнь все равно надо прожить, раз Бог дал. Не дрейфь! Как будет, так и будь.

ЗОЯ. Может, еще медицина дойдет потом - руки-ноги нашему брату пришивать станут. Дойдет медицина ... Я в это верю. Протезы мне вон для рук хорошие обещают. А руки будут - и вовсе хорошо. Не бойся, девка. Не бойся! Страшнее бывает - гляди на меня!

ФИСА. Да. Медицина ... Покамест хорошо только пластают. Нет чтоб лечить. Пластать-то легче ... Небось ...

ЛИПСКИЙ. Одинцова, переводим вас в отдельную палату.

ЛИДА. Туда кладут умирающих. Из нее был только один путь - к безносому возчику Кузьме. Почему это?

ЛИПСКИЙ. Помалкивайте. Вы военная, выполняйте приказ.

К вечеру - явилась Валя, опять с кульком - провизии, и с порога, оглядываясь, заговорила:

ВАЛЯ. Ну, вот и славно! Лидка! Это я упростила начмеда, чтоб тебя сюда. Неудобно там, в палате. Бабы эти ... Все слушают. Суды-пересуды. Лидка, милая! Я все знаю ... Но подожди до завтра. Я нажала на все педали. Пенициллин принесла, нашла. А еще я одну старуху привела, травницу ... Сказала ей, что ты родственница. Старуха капризная. И, говорят, из мертвых поднимала. Держись, Лидка! Держись! Ты ее послушай ...

ЛИДА. Где ты это все берешь? Зачем?

ВАЛЯ. Бог да добрые люди! Виктор Павлович здесь! Поняла?! Он меня сюда и устроил. Ну, позвонила ему. Просто так. Не делай глаза ... А он, знаешь, на «ЗИСе» за мной прикатил. Все устроил. Ходит как за писаной торбой! Я ему - нет! Честно сказала: «Замужем!». И про беременность - тоже ... А он хоть бы что. Для меня, говорит, есть ты, и больше знать ничего не знаю! Ну, ладно, Лида, милая ... Держись. Думаю, он достанет все. Все лекарства. Связи - ого! Не куксись, Лидка. Поднимем ...

В палате вместе с Валею появилась сухая, сморщенная, дальше некуда, старуха. Лицо темное и напоминало какой-то сухофрукт. Валя стояла в дверях на страже.

ЗНАХАРКА. Да-а, матушка-девка, неладно у тебя, неладно-о-о. Эко чо изладили, нога-то бревно бревном. Жизни в ей капля ... Не знаю, что присоветовать. Шибко запущенная рана-то. Раньше бы, раньше хоть на нядилю ... А? Жалко ногу-то, чай? Как не жалко. Нога ведь ... Молодая ты ... молодка-девка.

Замолчала. Окаменела. Закрыла глаза. Казалось, возле сидит мумия. Потом открыла глаза.

Ну, доверись если, что никому ничо не скажешь, как хуже будет, попробую помогу. Может, и с ногой останешься. Только не ручаюсь я! Сама, девка-матушка, видишь. Антонов огонь - не шутка. А и то я тебе скажу - резать ногу мало помочи будет. Шибко у тебя плохая нога. Ох, доктора-лекаря. Ничо-то вы, ничо не знаете, таких-то, как мы, за мышей считаете. Дам тебе траву, сбор из травы. Завари его. Вскипяти не больше минуты - сила у травы уйдет. И не настаивай, сразу процеди. Пей по треть стакана. Три раза в день начиная с семи часов. Не больше, гляди ... Строго. Толькё, девка, после двенадцати ночи не вздумай и утром-то до шести. После бесовского-то часу. Враз помереть можешь. Операцию не соглашайся ... Если через две нядили улучшения не будет - и не я, и не Бог ... Там уж как знаешь ... Прощай, девка-матушка. Оздоровливай. Встанешь, Бог даст.

ЛИДА. Через две недели с ноги спала опухоль, улеглась боль. Правда, нога была все еще синяя, но я чувствовала, как она оживает. Я не знаю, что помогло: пенициллин или в самом деле трава, которую я пила как эликсир жизни. Отвар был сладко-горький, от него пахло лесом и болотом. В сентябре научилась сидеть. В октябре встала с костылями. Осторожно приступая на ногу, не верила - иду!

ЛИПСКИЙ. Это чудо. Слава пенициллину! Надо позвонить в Москву ...

ЛИДА. Надо к старухе к той зайти ...

ВАЛЯ. Не надо. Не любит она, не надо. Живет далеко, на Загородной, у леса ...

ФИСА. Ох, везучая ты, Одинцова! Мне бы такую везучесть, я бы всем богам помолилась. Кому теперь с культяпками-то. Жить не хочу.

ЗОЯ. Опять за свое! Надо же кому-то и выиграть, раз другие проиграли. Ах, Лидка, как хорошо! Гляжу на тебя, радуюсь. Выскочила! А каркали: гангрена, гангрена ... Небось и меня вот там, на фронте, обкорнали ни к чему. Ну, ничо. А я, девки, еще замуж выйду. Ребят нарожу. Правда! Они ведь у меня с руками, с ногами будут. Парень у меня есть. Счас он дома. Инвалид тоже. А вот пишет: «Ни об чем не думай, приезжай».

ФИСА. А я вот думаю: да неужели нам не вернется радость встать, ходить на своих ногах? Ведь вот, учила по биологии, у каких-то лягушек, у ящериц отрастают хвосты, конечности, даже может появиться новый глаз взамен утраченного. Новый глаз! А человек так несовершенен! Нет. Не может этого быть! Человек должен, обязан быть совершенным. А он еще воюет. Хомо сапиенс! Еще не дорос до понимания полного отрицания войны. Еще живы гитлеры, гимлеры ...

ЗОЯ. Ты, Одинцова, за всех нас отлюбить должна. Тебе счастье, вот и пользуйся.

ЛИДА. С завтрашнего дня начну.

ФИСА. А ты со своей подружки пример бери. Вот баба. Не клади палец в рот. И воевала

она так же. Знаем. Видали ...

ЛИДА. Будем книгу читать. Девочки, слушайте! Толстой. «Война и мир». Первый бал Наташи: «... Он предложил ей тур вальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. «Давно я ждала тебя», – как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей изза готовых слез улыбкой, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были вторая пара, вошедшая в круг. Князь Андрей был одним из лучших танцоров своего времени. Наташа танцевала превосходно. Ножки ее в бальных атласных башисточках быстро, легко и независимо от нее делали свое дело, а лицо ее сияло восторгом счастья. Ее оголенные шея и руки были худы и некрасивы в сравнении с плечами Элен. Ее плечи были худы, грудь неопределенна, руки тонки; но на Элен был уже как будто лак от всех тысяч взглядов, скользивших по ее телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы ее не уверили, что это так необходимо надо ...» Зоя, не плачь. И ты, Фиса, не плачь. Видишь, я не плачу ведь?

ЗОЯ. Не плачь, Лида. Не надо ...

ЛИДА. Я поправлюсь, поеду на фронт, в свою часть. На фронт. Там я ...

1942 ГОД. АЛЁША.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. В военкомате в сорок восьмом сделала запрос - лет через пять мне сообщили: капитан Алексей Дмитриевич Стрельцов погиб под Минском в июле сорок четвертого ... Всё.

Худой, черноскулый, закопченный дымом лейтенант стоял неподалеку, смотрел в бинокль. Бинт у него был в крови.

ЛИДА. Товарищ лейтенант! Разрешите? Мой госпиталь ... Неужели погиб ... Неужели все?!

АЛЁША. Меня зовут Алексей. Алексей Дмитриевич Стрельцов. К сожалению, Одинцова, госпиталь ваш ... Сильно пострадал ... Это - война ... Война ... А они - варвары.

ЛИДА. Это нас из-за эшелона ... Из-за того, что прицепили военный эшелон. К нам ... Мы были бы под защитой Красного Креста ... Под защитой ...

АЛЁША. Вы наивная девочка. Какой там Красный Крест? Бомбят всё, сплошь. И первые бомбы были по паровозу, по вашим белым вагонам ... Мы видели.

ЛИДА. Но ведь хоть кто-нибудь ... Не одна же я? Кто-нибудь должен остаться?

АЛЁША. Нет. Все погибли. Почему вагоны были закрыты?! Кто приказал?!

ЛИДА. У нас в вагоне девочка, Слепухина, она ехала от жениха, который остался, он работал по брони на военном заводе, она очень переживала и вообще за ней надо было присматривать. Она и в училище отмочила: выпила ртуть из нескольких градусников - хотела отравиться, едва спасли. И вот она на ходу поезда выкинулась из вагона и погибла. И тогда начальник госпиталя приказал все вагоны закрыть ... Все погибли?

АЛЁША. Кто-нибудь, может, и остался. Видимо, ушли с воинской частью, которая была с вами. Придете в себя - будете искать. Утром там работала похоронная команда. Схоронили много. Говорили, сплошь женщины, девушки. Иные сгорели. Почему вагоны были закрыты?! Должностное преступление. Погиб и ваш начальник госпиталя. Там было несколько убитых командиров, один подполковник ... Это он. Спрятался под колесами, его просто придавило.

ЛИДА. Товарищ лейтенант, разрешите мне туда?

АЛЁША. Там никого уже нет. Погиб ваш эшелон, погиб, Одинцова. И даже мы ничем не

могли помочь. Он был далеко от зоны достигающего огня. Немцы разбомбили вас как раз за километр от огневой. Из наших пушек туда не достать.

ЛИДА. Что же мне делать теперь? Что вы такой спокойный?! Погиб эшелон! Госпиталь! Сотни людей, мои подруги, Валя, Платонова, девочки, Вера Федоровна, Степан Анисимович - все погибли! А вы в бинокль смотрите!

АЛЁША. А нечего делать. Придите в себя. Зачислим в расчет ... Если согласны.

ЛИДА. Но я же ... Я ничего не умею ... Я - сестра ...

АЛЁША. В первом же бою научитесь.

ЛИДА. Меня не сочтут дезертиром?

АЛЁША. В такой ситуации - лишний вопрос. Идите, Одинцова. Сутки вам еще на то, чтоб прийти в себя. Идите. Будете у нас зенитчицей.

ЛИДА. Есть, товарищ лейтенант ...

АЛЁША. Хватит уже. Зови меня просто Алексей. А еще лучше Алеша. А ты - Лида? Иди.

1944 ГОД. НА ФРОНТ ПОСЛЕ ГОСПИТАЛЯ.

МАЙОР. Одинцова, входите.

ЛИДА. Старшина медслужбы Одинцова прибыла по вашему приказанию.

МАЙОР. Сколько вам лет?

ЛИДА. Двадцать один. Не исполнилось еще.

МАЙОР. Двадцать один ... Девочка, и ты уже так навоевалась? Останетесь в госпитале палатной сестрой.

ЛИДА. Нет, я поеду на фронт, в полк.

МАЙОР. Напоследок подумайте. И знайте, что я не люблю возражений.

ВАЛЯ. Оставляют?!

ЛИДА. Оставляют ... Только я не согласилась, потому что поеду на фронт.

ВАЛЯ. Какая дура. И ты это сказала ему? Боже мой! Боже мой, какая глупость, глупость! Я так старалась. Столько просила. Унижалась! Что ты опять наделала! Дура! Ненормальная! Делай, что хочешь. Вот что. Приходи к Виктору Павловичу 31 декабря. Будем встречать 45-ый год ...

ЛИДА. Почему?

ВАЛЯ. Потому!

1943 ГОД. АЛЕША.

У колодца Алеша догнал Лиду.

АЛЁША. Ну, что, Одинцова. У колодца ... простимся ... Как в песне. Эх, и посидеть-то негде. Ни доски, ничего ... Степь проклятая ... Скорей бы отсюда. Степь ... Надоело ... Тоска белая - больше ничего ... Садитесь ... Садись ... Посидим.

Сели на бревно. Стрельцов молчал. Он вытащил пачку папирос. Закурил. Затянулся, выдувая дым, топорщил бровь, глядел куда-то на сапоги.

Холодно. Февраль какой. Вьюги здесь, ветры, а снегу ... Жалко, Стрельцова, уезжаешь ...

ЛИДА. Я Одинцова.

АЛЁША. Ой, а я сказал? Извини. Фамилия похожая. А я ведь тоже рапорт подал.

ЛИДА. Какой рапорт?

АЛЁША. Не могу больше. Прошусь во фронтовую артиллерию или в пехоту, вот ...

ЛИДА. Зачем же? Вы так хорошо командуете ...

АЛЁША. Да понимаешь, Стрель ... Что это я? Понимаешь, Одинцова ...

ЛИДА. Зовите меня Лида.

АЛЁША. Можно? Понимаешь, Лида, надоело над бабами командовать. Не могу. Не умею. Понимаешь? Хорошо обращаешься - сразу начинается: глазки ... То-се. Фигли-мигли ... Ножки-сапожки. Накоротке - вовсе никуда. Там чулочек подтянут, там еще что ... Так и хомутают ... А строго - опять нехорош ... Дуются, кукусятся, артачатся ... Стоит, понимаешь, такая цаца, бровками поигрывает. Будь моя воля - ни одну бы из вас близко к войне не пустил. Не ваше это ... Ваше дело - жизнь, дети ... Вот и думаешь: вклеить наряд-другой вне очереди, сейчас треп: «На бабах злость вымещает, горе-командир». Вот так и суюсь. Тебе жалуюсь. Уезжаешь. И не такая ты какая-то. Нет в тебе этого ... Хорошо ...

ЛИДА. Чего нет?

АЛЁША. Ну, этих, бабьих штучек.

ЛИДА. А я и не баба ...

АЛЁША. Ну, прости, Лида, так ... Ты меня понимаешь. Нравишься мне ... По-товарищески. С тобой как-то просто. А с этими - не могу. Пять месяцев ими командую - четыре рапорта подал. И стыдно как-то.

ЛИДА. Что вам стыдиться. И тут командовать надо. Командир вы хороший ...

АЛЁША. Нет, с меня хватит. Понимаешь, Одинцова, понимаешь, Лида. Это ... Ну ... Хочу сказать ... Это ... Ну ... Да ... Все вижу, как ты тогда на батарею прибежала. В одном сапоге. Вся в кровище. Нос разбит, а сидит и юбку порванную зажимает. Смехота.

ЛИДА. Вам смехота, а я чуть Богу душу ...

АЛЁША. Да я не к тому, а ... Вот бы нам вместе опять служить.

ЛИДА. Я бы не отказалась. Привыкла к вам.

АЛЁША. Говори и мне «ты». Я тебя на два года всего.

ЛИДА. Не получится.

АЛЁША. Ну, как хочешь. А хорошо бы ... Да только ... Сейчас тебя в штаб возьмут. Девочка ты красивая. Комполка приезжал и то заметил.

ЛИДА. Зачем меня в штаб? Я - сестра ...

АЛЁША. Там найдут. Недаром высоко вызывают.

ЛИДА. Не пойду я ни в какой штаб ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Он вздохнул. Снял шапку. Надел снова. Казалось мне, что-то все хотел спросить или сказать. И я ждала. Мне нравился он, может, и не так, как нравятся, когда влюбляются. Да и откуда я знала, как влюбляются? Вид у него был неброский. Хотя я понимала, наверное, он красивый, этот лейтенант, он изо всех сил старался быть взрослым, суровым. Вся красота его была в глазах, мягкая душа просвечивала там. Вот так же, как у отца, хотя ничем он его не напоминал больше, был тонок, прыщеват на висках, с длинными, худыми руками, с тонкими ногами, которые нелепо высоко выставлялись над широкими голенищами кирзовых сапог. И еще у лейтенанта были красивые ровные зубы. Когда он улыбался, словно забывшись, совсем не походил на военного, больше всего лицо его напоминало какого-то молодого художника.

АЛЁША. Слушай, Одинцова ...

ЛИДА. Машина вон. Кажется, та ...

АЛЁША. А? Машина ... Правда. Ну, тогда ... Лезь давай!

ЛИДА. Ну, прощайте. Не поминайте лихом.

АЛЁША. Прощай ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Когда я села в кабину, видела, как он уходит. Машина зафыркала. Видела еще, как лейтенант остановился. Смотрел. Выскочить бы. Как тяжело быть женщиной. А я и не женщина. Девочка я. И никто этого не понимает. Не могу привыкнуть, что все здесь считают меня женщиной. Машина повернула, и еще на секунду я увидела вдаль, у черных строений, маленькую одинокую черточку: он все еще стоял там. Вижу себя в большом селе вблизи Волги, с хатами из самана, соломенными крышами, которые казались мне дивом. У нас, на Урале нигде не было ни саманных строений, ни таких кровель. И Алешу вижу ...

1945 ГОД. НОВЫЙ ГОД У ВИКТОРА ПАВЛОВИЧА.

ЛИДА. Иду на Новый год в гости к Виктору Павловичу. Новый год. 1945-й! А вдруг будет чудо: найдется отец и я выйду замуж, за Алешу. Выйду замуж за Алешу и буду его жена - Стрельцова. Его стрелчиха. Недаром он путал наши фамилии еще в тот первый наш разговор. Одинцова. Стрельцова. Нет писем от Алеши. А я вот иду встречать Новый год. Иду знакомыми улицами. Кузнечная, Первомайская, Луначарского ...

ВАЛЯ. На немецких открытках я часто видела рождественскую ночь. Елки. Домики в снегах. Веселые будочки у железной дороги. И немецкий Дед Мороз, такой похожий на русского, добрый, смешной. Открытки были в блиндажах, валялись возле убитых. И думалось: как так - вот вмерзший в снег, окоченелый до безличия бывший человек теперь уже как мерзлая земля. И эта цветная весточка.

ЛИДА. Есть хочу. После выздоровления все время хочу есть. Да и гастроном, вот он, на углу, пустые витрины. Заходи не заходи. Война. И не сон ли это - вся прошлая довоенная жизнь? Была ли даже эта вот улица, некогда вся во флагах, в цветах, в портретах? С улыбающимся Сталиным с девочкой на руках. С песнями братьев Покрасс. «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля. Просыпается с рассветом вся советская земля!».

ВАЛЯ. Вот квартира Виктора Павловича. По Банковскому переулку. О таких домах до войны ходили легенды, говорили: паровое отопление и будто бы круглосуточно горячая вода, холодная само собой, лей, залейся. А еще тут кафельные кухни, ванны с душем, комнатки для домработниц.

ЛИДА. В таких домах жили инженеры, врачи, юристы, знаменитые актеры, баритон из оперы. Я знала эти дома, хотя никогда не бывала в них внутри. А отец мой их строил. В подъезде едой пахнет, духами, устойчивой прежней и мирной жизнью.

ВАЛЯ. Проходи. Ин дер нахт ист айн меньш них герн алляйне ... Какая песенка замечательная!

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Столько лет прошло, а я всё пою и пою эту песенку ...

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ. О-о! Лидочка! Дорогая ... Героиня! Проходи, раздевайся.

ВАЛЯ. Ну, проходи, проходи. Проходи, садись, отдыхай.

ЛИДА. Вот это гостиная! Громадная картина в золотом широком багете на стене справа. Нагая женщина с жемчужным телом спала там, бесстыдно раскрытая меж атласных подушек и красных шелков.

НЮРА. На черном пианино с замысловатой бронзой белые фарфоровые слоны, белые и черные женщины, изогнутые и манящие, как Сирены. Венера! Статуя стояла на

мраморном с бронзой столике-постаменте.

ЛИДА. Я предполагала, что Виктор Павлович живет не бедно, но мне и в голову не приходило представить такую роскошь.

ВАЛЯ. Тут одних ковров только в комнате на полу, по стенам, на диване штук пять, и ковров дорожных, не каких-нибудь вроде вашего узенького дрянного, висел у родительской кровати. Я ходила к вам, помню. А здесь лежат, висят настоящие персидские ковры.

НЮРА. В открытую дверь слева виднелся угол празднично накрытого стола, оттуда пахло елкой, блесстел хрусталь, сиял фарфор. Дальше через комнату была спальня, и опять вся в коврах, картинах с женщинами.

ЛИДА. Как же война? Как мог обыкновенный бывший кладовщик, ну пусть теперь начхоз или начпрод, купить-накопить все это?

НЮРА. Может быть, все это у него по наследству, от прежней жизни!

ФРОСЯ. И вот мы уже за столом в теплой, уютной комнате под шелковой люстрой.

НЮРА. Фрукты, дичь, рыбы, фужеры с вином. Такие картины, даже рамы, только в музеях, в галереях ... А тут на стене, над столом.

ФРОСЯ. А на столе - открытые консервы, яблоки, колбасы, нарезанные и настроганные, сыр, ветчина, икра!

НЮРА. Вот шпроты. Золотые копченые рыбки.

ЛИДА. Не сплю ли? Вот пробужусь, и наша тяжелая женская палата, невыветриваемый запах крови, мочи, бинтов, стоны и плач, Зоя без рук и ног, и Фиса, мечтающая доползти до железнодорожного полотна.

ВАЛЯ. Нет! Ничего не снится. Все настоящее. Этот стол. Закуски. Бутылки с винами.

ЛИДА. Картина с плодами и рыбами - все настоящее, подлинное, как эти шелковые разодетые девки. Мой сосед слева деятельно откупоривал бутылки. Тут было все: водка, коньяк, которого я сроду не пробовала, вина.

ПОЛКОВНИК. Ну-с! Всем налить! Всем до дна! За уходящий! А вы, старшина, почему отстаєте? Не с фронта?

ВАЛЯ. Это Лида, Егор Петрович, моя подруга, только что из госпиталя.

ПОЛКОВНИК. Фронтотвичка ...

ЛИДА. Да, фронтотвичка.

ПОЛКОВНИК. Н-ну ...

ЛИДА. Крыса тыловая. Хорохоришься тут. Герой. Все они напоминали еще каких-то собак, кто сенбернара, кто добермана, кто бульдога, и я, наверное, не исключение. Шавка, дрянь, дерьмо. Сижут тут. Обрадовалась ...

ВОЛЬДЕМАР. Вольдемар Захарович! Заведующий базой за вокзалом. У меня - всё! Всё!

САНО. Я директор ресторана «Ялта». Нюра-Фрося - мои официантки, а товарищ полковник - продовольственный начальник, очень большой, какой - не помню. Ну? Через минуту Новый год! Шампанское! Э-эх, ре-бята-а! Ур-ра-а! Ур-ра-а-а!

ВОЛЬДЕМАР. Время! За новый, сорок пятый! За наших прекрасных девушек! За наших милых подруг! А вы мне, Лида, очень нравитесь. Очень! Я беленьких обожаю ... А вы такая ... пышечка, курносенькая ... За такую девушку - душу не жалко.

ПОЛКОВНИК. Предлагаю тост! За Сталина! За нашу Победу! Пьем стоя! До дна!

ЛИДА. Знал бы, видел вас Сталин, были бы вы где в другом месте, и я заодно с вами.

ПОЛКОВНИК. За Новый, московский!! Пей, душа! За Новый, московский! Сано?! Сделай! Пра-ашу! Душа горит! Сано?! Уважь!!

Сано поплелся к пианино, сел, открыл крышку, склонил голову в реденьком проборе.

Сано! Нашу! Даваай!

Томно улыбалась Валя. Кукла Фрося, закинув плотную ногу на ногу, так что всем на виду кружево рубашки, курила, с прищуром водила головой. Рыжая плясала и плясала, пока Сано не завершил оглушительным бегущим аккордом.

ПОЛКОВНИК. Ну, уважили ... Эх, лихо!

ЛИДА. Я на кухню ...

Виктор Павлович сидел на табуретке у кухонного с грязной посудой стола и рыдал.

Виктор Павлович? Что? Что с вами?

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ. Ах, Лидочка ... Не спрашивайте. Я несчастен ... Я всю жизнь так одинок ... Единственная женщина, девушка - не моя ... Ведь я так ждал ее. Ах, Лидочка! Ну, я понимаю ... Война! Фронт ... Ее можно понять, простить ... Но я ... Как же я теперь?

В дверях кухни стояла Валя.

ВАЛЯ. Хватит. Лида, да что ты берешь близко к сердцу? Ну, блажь! Поревет - перестанет. Утешу.

Увела Лиду в небольшую комнату рядом с кухней. В комнате тоже были ковры и картины, стоял диван. Но все было попроще, беднее.

Ну? Зачем ты прогнала этого Вольдемара Захаровича? Эх ты ... Отпустила такого бобра ... Ведь он ... Да что с тобой говорить ... Конечно, Вольдемар - мужик дерьмо, с Виктором Павловичем не сравнишь. Но что тебе с ним, ребят не крестить?

ЛИДА. Неужели ты сейчас живешь с ним? С Виктором Павловичем?

ВАЛЯ. А что? Ты - всегда правильная? Что? Я, по-твоему, должна голодать? Сидеть на пайке? На карточках? Жрать, как лошадь, этот овес? Я не хочу, не могу так жить? Не могу и не хочу?! Ну, считай как хочешь! Потаскуха, блядь, сука ... Считай как хочешь, а я буду жить так, как могу. Не всем быть такими, как ты. Не всем! Поняла?! Жанна д'Арк!

ФРОСЯ. Нам пора ...

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ. Чай! Кофе! Сано? Фрося! А где же? Чай! Кофе! Есть ликер! Валя, родная, стаканчики ... Ликер! Сано! Да проснись же! Черт! Фрося! Поднимай его.

НЮРА. Нам пора. До свидания.

Лиду провожала Валя. Смотрела, как она натягивает сапоги, поправила ей портупею, завела ремень за хлястик шинели. На широком подзеркальнике, среди статуэток и флаконов с духами, Лида вдруг увидела граненый хрустальный шар.

ЛИДА. Надо же. Точно такой шар был у нас до войны. Я играла им с детства и очень любила его. Когда светило солнце, можно было поставить шар в его луч, и вся комната озарялась огоньками. Я в детстве глядела в этот шар, и весь видимый мир распадался на сотни радужных миров. Шар был волшебный. Мать продала его за хлеб весной сорок второго, всего за четверть булки. И вот такой шар лежит в этой квартире.

ВАЛЯ. Ну, иди уже ...

ЛИДА. Какой шар! У нашего на одной из граней была щербинка - когда-то я выронила его из рук. Вот же она, эта щербинка, похожая на раковинку ... Валя, как же так? Это он - радужный шар моего детства. Это он, тут?!

ВАЛЯ. Иди.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Не помню, как захлопнулась дверь. Через две недели я была на

фронте, в Польше, догоняла свой полк ...

1943 ГОД. АЛЁША

АЛЁША. Ли-да-а! Одинцо-ва-а! Вот ты где?! Жива? Цела? Живая ... Лида ... Лидка?

ЛИДА. Жива ...

АЛЁША. А я тебя ... искал, искал ... Уехала тогда ... и ни адреса ... ни следа ... Вот ... дураки ... И я - тоже ... Хорош ... Ну, как ты?

ЛИДА. Воюю ... Раненых отвозила ...

АЛЁША. Где ты?

ЛИДА. А вот, по соседству. Километра два отсюда ... Боюсь на тебя смотреть, поверить, Алёша ... Где встретишься тут, я безотлучно при батальоне в каше меняющихся, незнакомых людей ...

АЛЁША. Мы встретились! Я тебя нашел! Теперь уж не потеряю ... Шалишь, не уйдешь, Одинцова. Тогда убежала от меня, как лиса. Ты за это время, случаем, замуж не вышла? Не определилась ... в эти, в пэпэже?

ЛИДА. Не вышла.

АЛЁША. Скажи ... Как тебя найти? Где? Я бы вечером прибежал ... Можно?

ЛИДА. Приходи! Отсюда, если бегом, минут двадцать, вон до тех бугров, видишь?

АЛЁША. Вижу. Только ... Как вырвусь - не знаю ... Приказ ... Не отходить от пушек ... Но я ... Я все равно ... Часов в десять ...

ЛИДА. Нет, тогда сама прибегу. Ну вот сюда, вон к траншее.

АЛЁША. Лида! Милая ... Знаешь, когда ты уехала, я ведь чуть за машиной не побежал ... Побегал бы, если б знал - догоню ... Как глупо расстались тогда ... Ни я тебе ... Ни ты мне ... А может, зря я к тебе лезу ... Тут ведь у тебя женихов, наверное. Что молчишь? Лида?

ЛИДА. Не зря.

АЛЁША. Ну, слава Богу. Как хоть ты, целая?

ЛИДА. Я маленькая ... Не попадают.

АЛЁША. А меня ведь опять, знаешь, осколком цепляло. Легко, правда, в руку. Ну, обошлось. В санбат даже не ходил ... Зажило уже. Получил вот еще звездочку.

ЛИДА. Поздравляю.

АЛЁША. Со дня на день должно начаться, их наступление. И сегодня предупреждали.

Он вздохнул и взял Лиду за руку. Рука была теплая, даже горячая, сильная мужская рука, крепкая ладонь, пальцы, которые в обхват и осторожно взяли ее руки.

ЛИДА. Какие у тебя руки горячие ... Не те, не такие, не клещи, которые тискали меня недавно.

АЛЁША. Что ты? Что? Дрожишь?

ЛИДА. Не знаю ... Знобит ... Алеша? Меня в первый раз обнимают любящие, нежные и чистые мужские руки. Я это прям чувствую: у тебя руки чистые ...

АЛЁША. Идти надо. Я время ... по звездам. Идти.

ЛИДА. Что же делать-то?

АЛЁША. Ну, что? Не горюй ... Встретимся снова ... Завтра ... Послезавтра ...

ЛИДА. Послезавтра. Послезавтра может не быть ... Даже завтра может не быть ... Война.

Да что же делать-то?

АЛЁША. Ничего ... Дай поцелую тебя.

ЛИДА. Я ... Нет ... Не ...

АЛЁША. Ну?

Он обнял Лиду и поцеловал неловко в нижнюю губу, в подбородок, в щеку. Он стал целовать её жадно, как изголодавшийся, изжаждавшийся пьет воду. И она отвечала, отвечала ему до помутившегося сознания.

Господи. Какая ты ... Какая ты ... сладкая ... Дай еще ... Еще!

И целовал снова. Потом он побежал, на ходу крикнув:

Завтра! Или послезавтра. Приходи ... Лида! Давай, мы поженимся? Хочу, чтобы ты была моей женой! Моей! Лида? Встать на колени? На коленях тебя прошу. Лида? Слышишь?

ЛИДА. Я люблю тебя, Алеша, ты у меня единственный. Но замуж не выйду, пока не кончится война. Зачем? Все на волоске ... Вдруг убьют. Искалечат ... Кому я буду нужна ... Без рук или без ног ... Кого тогда винить и спрашивать?

АЛЁША. Не хочешь связывать себя?

ЛИДА. Хочу быть твоей женой. Только женой. А вдовой – нет. Вдовой - не хочу.

АЛЁША. Но ведь ... Лида! Поженимся. Прошу тебя.

ЛИДА. Нет. Кончится война, и я буду твоей. Во всем. Навсегда. На всю жизнь! Поклянись только мне, Алеша, что и ты не изменишь мне.

АЛЁША. Лида, Лида ... Как я хотел ... Вот, чувствую, ничего не будет ... Ничего. Вот, думал, меня никогда не ранят. А ранило уже третий раз ... Думаю, что не убьют, а ...

ЛИДА. Перестань, перестань! Не говори даже об этом. Ведь я уже один раз пережила все это ... Не хочу больше! Слышать не хочу, не хочу ...

АЛЁША. Ну, что ж, тогда помни.

ЛИДА. Не уходи. Знаешь, я сейчас в первый раз испугалась фронта. Завтра снова туда, на передовую, под пули, осколки, под бомбы. Опять бои, опять раненые, убитые, кровь, трупы, траншеи, землянки, бессонные ночи и тяжкие дни.

АЛЁША. Надо.

ЛИДА. Тяжкое фронтовое – надо. Алеша ...

Алеша обнял, не отпускал Лиду. Не давал уйти.

Засверкало, загрохотало, завывало, засвистело. Все небо покрылось полосами огненного света. И секунды спустя затряслась, ходуном заходила земля. Дикая сила взрывов мешала огонь, землю и воздух. Началась контрподготовка. В только что тихой, спокойной ночи забушевала, разгораясь, свирепая многодневная битва. Тогда она еще не называлась Орловско-Курской. Позднее пришло и название - Дуга. А в три часа тридцать минут немцы перешли в наступление.

Темнота

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

1946 ГОД. В РОДДОМЕ.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Где мужик-от у тебя? Молока бутылку не притащат ... Навоевали ... Знамо дело. Все ранетые, блядежки ... Не перва ... А ничему не учитесь. Молодежь ...

ЛИДА. А что мне возразить ведьме? От меня ровным счетом ничего не перепадает. Другие - яблоко, конфету, домашнюю ватрушку. А я где возьму? Лежу в родильном, уже второй месяц. На дворе зима. У меня ломит, кровоточит утрами и к ночи рана. Разошлась на животе, когда рожала. Торопиться мне некуда. Нет дома, мужа, семьи, теперь я

мать-одиночка. Одиночка Одинцова. Судьба моя будто указана в фамилии.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Поговори мне еще ...

ЛИДА. Поговорю. И еще - по закону подлости - у меня нет молока. Врачи и палатная Маргарита Федоровна говорят: от ранения, потеряла кровь, синдром. Новое слово. Новые слова, термины в ее речи постоянны: прогноз, течение беременности, лактация.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Одно и то же. Синдромы ...

ЛИДА. Неужели ты, Маргарита Федоровна, женщина, и у тебя есть муж? Вряд ли, но если есть, то должен быть таким же рафинированным, стерильным, с промытыми карболкой руками. Грудь у меня – как неодушевленное что-то. Что-то закаменелое, застылое.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. В палате третий раз сменился состав, родившие убывают счастливые и грустные - всякие. Вы - единственная раненая из поступивших сюда беременных.

ИРА. Я татарка. Я училась в девятом классе. И вот ...

ЛИДА. Ты рожала рядом, помнишь? Я вся кровью улилась, но молчала, а ты кричала.

ИРА. У меня тоже нет молока.

КОШКИНА. Все просто на земле. И женская доля тоже. Родись в избе или в поле, качайся в зыбке, кормись у материнской груди, бегай летом по лужам и по траве, зимой до соплей катайся с горки, подрастешь - паси гусей с хворостиной, поросят, телят за околицей. Дои корову, копай картошку. Пляши, когда пляшут, плачь, когда ревут. Жених - вот он, из соседних парней. И делай материнское привычное дело: вари щи, стряпай пироги, роди, ходи в баню и на ферму, на работу. Корми маленьких. Получай грамоты с Красным знаменем, с Лениным-Сталиным в золотом кружке. Рано становишься бабушкой, когда у первого внука и у твоего «поскребышка» почти одни года. Старься в заботах.

ФРОСЯ. И так до холмика на сельском погосте, сперва с голой глиной, а там уж и такого, как все прошлые, затравенелые, иные уж и без памяти, без креста.

ЛИДА. Кричала ты ночью по-татарски. Я запомнила: «Яраткан, ташладым». Это что?

НЮРА. Это «любимый» и «бросил» по-татарски. Дура ты, Ирка.

ЛИДА. Меня выпишут скоро. Куда пойду с ребенком?

ТАИСЬЯ. Ты воевала? В боях была? И ранили, вишь, тебя не ко времени. Рана, конечно, чо говорить, палец порежешь, и то ... А только зря они тебя пугают, врачи-то. Не в крови дело. В нас, бабах, ее много. И не синдром никакой. Выдумали! Маргарита-то Федоровна ... Сама она синдром.

КОШКИНА. Ты, однако, девка, видать, была ... Забеременела-то сразу. Так али нет? Видно, ты еще из робких ... Я ведь вижу. Ну, вот, груди-то у тебя и недоразвитые. С парнями ты не терлась, видать, по вечерам не гуляла. И с мужиком ладом не жила. Вижу! А вы, бабы, не смейтесь. Дело житейское. Вон, Ирка-то мается, у нее ведь такая же причина. Грудь у женщины не сразу в силу входят. Синдром ... Я вот, помню, до взамужа худоба была и не бойка - тихоня. Здесь вот мужику и вовсе не за что взяться было. У подруг - в бане, бывало, моемся - видала, какие у их, а у меня стыд сказать, кукиш будто. Вот я и поплакалась тогда матушке. Некрасивая, мол. А мать как всхохочет - смешливая баба, царство небесное, - ты, говорит, Алька, не куксись, а от парней не обороняйся, парням, говорит, щупать их давай. Живо вырастут. Право, бабы ... Ну, что? И верно ведь. К тому времени, как взамуж вышла, рожать подошло, дак эвон чего напарило! Прямо не знаю, куда с имя деться. Бегать из-за них даже тяжело. Любую кофту расстегивают. Глядите, не жалко.

В проем рубахи она обнажила свои огромные, как две дыни, желто-розовые груди с коричневыми

пятнами, длинными сосками - торчали как козы.

Я, девки, в колхозе на поле, на покосе под кустом раживала. Как вот в первобытности. В войну-то никто на твое пузо не молился. Можешь не можешь - робь, коси. А родить черед пришел - айда, вон копна, там телешись. Видали?! Седьмого кормлю, а еще на двоих молока-то. Сдаиваю, отдаю ... Давай-ко твоего стану кормить. У меня не убудет, а мягше будет. И не бойся, здоровая, здоровья-то и твоему отделю. На материнном молоке росла, на ржаной корке. Нас, бабы, мать молоком когда до третьего, а то и до пятого года прикармливала. Все, бывало, бегали титьку просили. А она этим от беременности сохранялась, лишний раз не беременела, пока кормит дак ...

ЛИДА. Третий месяц я в роддоме. Куда пойду? Где устроюсь? Думала об этом дни и ночи. Куда? Что? На свою квартиру? Но квартира давно уж не моя. Там укоренилась чужая жизнь. У меня нет ведь даже никаких документов на то жилье.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Судиться. Доказывать. Идти в военкомат.

ЛИДА. Господи ... Да если б и были какие-то права. Как смогу жить-быть с противными мне людьми, рядиться с ними, искать сочувствия? Нет. Не смогу. Я бы лучше, наверное, выкопала землянку, как на фронте, приспособила какое-нибудь ведро под печку и жила. Разве мало прожила я дней и месяцев в каких-то норах, ямах. А вдруг у маленького будут такие, как у отца, зубы - желтые, с клыками? Вдруг будет копия - Полещук?

ФРОСЯ. Какие ушки? Не торчат? Вроде бы нормальные. Зубов нет, а ушки твои ... Как у меня. Светлые-светлые волосики - тоже твои. И глаза младенческие, в голубую синь, недоспелые черничинки. Нет, не Полещука твоего.

НЮРА. У ребенка глаза меняются, волосы темнеют.

ЛИДА. А ведь береглась. Не сдавалась. Сколько рук оттолкнула. Бывало, и кулаками, и ногами приходилось отбиваться. И Алешу тогда оттолкнула. Не стала женой. Не стала вдовой.

СТАРУХА-НЯНЬКА. А кем стала? Дура! Наказание человек несет за грехи, по заслугам.

ЛИДА. Что я нагрешила? Лучше бы погибнуть. Третье ранение - и уцелела.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Мамаша, корми!

ЛИДА. Ладно. Все устроится. Все как-нибудь устроится. Не пропаду же я? Столько уже натерпелась. Чего мне бояться? Люди помогут. Все устроится. Только бы он был со мной.

НЮРА. Ребенка в ясли-интернат отдать надо. Зачем он одиночке? Тут и оставь.

ЛИДА. Как стала кормить, все время хочу есть. Во сне даже вижу. Здесь что за еда? Каша на воде. Хлеб - скупая пайка ... Всем женщинам, кроме Иры и меня, еду приносят.

НЮРА. У меня муж закройщик, приносит коржики, хлеб с маслом, вот фаршированная рыба, домашняя колбаса с чесноком, ешь давай ...

КОШКИНА. У меня вот - вареное мясо, творог в берестяных туесах, молоко в бутылки-четверти зеленого стекла. Пей молочко-то, пей! Тебе сейчас кушать надо крепко. За два здоровья надо. Эвон чего вытянули тебя роды-те! Синь-синехонька. Подглазья-то ... Ой, баба, ой, баба. Крепко тебе досталось.

ТАИСЬЯ. Эх, мужика-то нету! А то бы чего проще ... Плохо бабе без мужика. Хоть без какого худо. О-ой, сколь скучно, бабы, здесь! Ой, скучно. Ну, понятно, война была.

КОШКИНА. Как это люди-те по баракам-то живут? Ровно тараканы. Некуда народу деться. А ведь тут и до войны жилье было? Как оне живут? По чо я тут так долго? Непонятно. Скорее бы мне домой. К воздуху. К лесу-то ...

ФРОСЯ. А здесь ведь не воздух - один дым. Паровозы свистят. Радио всю ноченьку, проклятое, галкает. Проснешься, думаешь: никто у нас не об чем не заботится. Это чтоб людям спокойно жилось.

ТАИСЬЯ. Большие-то начальники, вишь, высоко. Над имя не каплет. Ну, вот, кто его умыслил, родильный дом, рядом со станцией сделать? А на мой приклад, ежели б я решала, я бы лучшие помещенья под такие дома отдавала бы! Дворцы строить для баб надо. Не этакую тюрьму.

СТАРУХА-НЯНЬКА. В тюрьму вас всех, вот куда надо ...

КОШКИНА. Ты, баушка, не ворчи, моешь дак, а нето не мой, обойдемся. Без твоей воркотни тошно. Сиди дома на пече. Там тараканам и ворчи! Ишь, остолбенела.

СТАРУХА-НЯНЬКА. А ты поче здесь? Родила бы в деревне своей. Ишь, бароня, в городе ей! Понадобилось!

КОШКИНА. Не твое дело! Чо уставилась? Не видала?! Твое дело мыть и горшки таскать. И не родила ты, видать, ни одного, потому и не понимаешь женчин.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Ты, чо ли, женщина? За полсотни лет тебе, небось ... А туда же. Стыд-от где?

КОШКИНА. Ты мне что за указка? Корить меня? Сколь хочу - столь рожу ... Мотай давай отседова, а то встану - полетишь коlobком.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Стыда нету дак ...

КОШКИНА. Давай-ко отсуда. Еще она меня стыдить ... Бабы?! А чо? Вот извательства ее! Идите во свидетели?! Чего она меня? Зараза старая. Банна затычка. Пушай тогда чешется. Не на ту напала! Я и мужика любого отпотчую, не эту кочергу.

СТАРУХА-НЯНЬКА. Разоспалась! Как дома на перине! Коровы ... Пропасти нет ...

ЛИДА. Знаешь, тетя, однажды, уже за Днепром, когда перевязывала раненого, неподалеку встал вдруг абсолютно мертвый немец. У меня не было сомнения, убит, лежал засыпанный землей и снегом, в застылой крови. А он вдруг поднялся, и в руке у него граната! Я замерла, а немец пошатнулся и упал уже замертво, граната покатила по земле. Я растянулась, закрывая раненого, давя его и себя к земле. Но взрыва не было. И тогда я ползком потянула раненого, он был без сознания, дальше и дальше от места, где лежала граната, не докатившаяся каких-нибудь два метра и не взорвавшаяся ...

СТАРУХА-НЯНЬКА. Что ты врешь? Воевала она! Вот, молоко разлила! Вот и мой сама! Мой сама! Пропасти нету! Ранетые! В душу Бога мать!

ЛИДА. Гадина! Тварь, гадина ты такая! Вон отсюда! Вон! Гадина! Гадина!!!

В старуху летело со всех сторон что было: кружки, стаканы, подушки, тапочки, халаты. Няньку как сдуло. Куда делась ее неповоротливость. В коридоре орала, голосила.

На шум-крик прибежала дежурная врачиха. Женщины кричали, требовали Маргариту Федоровну, и, когда она явилась, строго уставясь на всех глазами боярыни Морозовой.

КОШКИНА. Вы вот что, простите, не знаю, как лучше ... Вы эту старуху больше к нам не наряжайте! Придет - изобьем. Миром! Как сумеем - отделаем. Посадите? Нет, не посадите ... А вам стыдно держать этаку хамку в женской больнице. Ей в тюрьме, может, где надзирательницей быть, а не здесь ... Это страм, вот что я вам скажу.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Хорошо. Больше вы ее не увидите ...

НЮРА (у окна). Опять прибежал. Чего бегаешь? Куда я денусь? Вон, толчется под окошком.

КОШКИНА. Любит, значит. Не может без жены.

ФРОСЯ. А мой, когда родила, всю ночь в вестибюле просидел. Заботливый.

КОШКИНА. Их забота ... Им чо? Кобеля. Не маются.

НЮРА. Да не виноваты они, женщины. Им природа так положила.

ТАИСЬЯ. Положила. Я вон пять абортів износила.

ФРОСЯ. Будто ты одна ... Счас за абортів строго ...

КОШКИНА. Ну, и будут бабы маяться, по всяким черным старухам бегать.

ЛИДА. Народу много побилло, восполнять надо. Вот и запрещают.

КОШКИНА. Оне, кто запрещают, не маются. Вот куда бы я с семерыми? И семеро, бабы, ничо. Растут. Война, слава богу, кончилась. Не чаяли, когда ... Прошусь, прошусь на выписку - не пускают. В нутре чо-то болит, правда. Тяжко этого родила. Поскребышек. Стара стала. Кончатъ пора. Мужик у меня шибко бойкой, бабы. Петух - не мужик. А тоже, поди-ко, ждет. Не запил бы без меня, не загулял бы ... Кислуху-то хорошо варят, и самогонку бабы по баням сядят. Особенно какие без мужиков остались. Вот и приманивают. Чо делать? Не осудишь. Живой человек. Жива-то душа требует. Война баб всему научила да ото всего отучила. Будь она проклята.

ЛИДА. Вы всё напрямик, Алевтина Ивановна. Так и надо жить? Душа нараспашку. Всему простое объяснение?

КОШКИНА. Так и надо жить. Нечего прятаться. Ты, Лида, почитай нам что-то ...

ЛИДА. У меня только одна книга с собой. Лев Толстой. «Война и мир».

ТАИСЬЯ. Ты нам только про мир читай. Про войну не надо ...

ЛИДА. Ладно. *« ... На краю дороги стоял дуб. Он был, вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными суками и корой, заросшей старыми болячками. С огромными, неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиниться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца. Этот дуб как будто говорил: «Весна, и любовь, и счастье! И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман! Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, и вон я растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, выросшие из спины, из боков - где попало. Как выросли - так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам».*

Молчали все в палате. Слезы вытирали.

КОШКИНА. У тебя, Ирка, родители есть ли?

ИРА. Есть ...

КОШКИНА. Чо же оне, девка, без сердца, чо ли? Почто такие немилостивые? Это чо же? Не прийти к своему дитя? Ну, подумаешь, приключился грех. Да не грех это. Любовь. Ох, чо люди наворотили! Все вот - грех. Да я бы встала, вот чичас, пошла к емя да за шиворот! Одумайтесь, дураки! Дочка сына, внука вам, наследника родила, а вы? Вот, ей-Богу, Ирка, только подымусь и пойду. Я им задам! Нельзя так дочь забывать! Я их живо в чувство образумлю ... Ешь яблоко вот, конфету, кусок сахару есть ...

ИРА. Не надо ...

ТАИСЬЯ. Ты, Ирка, не кобенься. Мы, женчины, от души к тебе, не от жалости - это ты не думай. Чо тебя жалеть? Нисколько не жаль. Молодая. Красивая. Вон какая! Ничо. Вырастишь сына - подмога рано будет. Это хорошо. А того, кобелька-то своего, выбрось из головы. Умной, дак найдет тебя, дурак - дак покается. Лучше-то тебя где же взять? Вон ты

какая, вишенка-смородинка! Врач и тот от тебя без ума. Всё пялится. Видим.

КОШКИНА. Ты еще, помани мое слово, любого да лучшего найдешь! Тебя и с таким приданым возьмут. Я все знаю ... Знаю ... Давай, вязать тебя научу ...

НЮРА. Меня муж из дома выгонит ... Вторую девчонку родила ему ... Пьяный, в окно грозил, а мать его, татарка, сказала мне: «Мучайшься мне с тобой ...».

КОШКИНА. Эй, Нюра ... Ничо-то вы не знаете, молодежь. Сына надо? Дак к этому и готовиться надо было. Мало хотеть. Надо еще и травки такой попить. И время знать. Есть такая трава и время такое. Хошь, дак скажу на ушко. Да чтоб сына-то зачать, поголодать надо обоим. Дело такое. Не смейтесь, бабы. У меня вон шесть сыновей, а дочь одна. Ну, а мужику-то, Нюра, скажи, чтоб, значит, правее забирал, тогда и точно парня родишь.

ЛИДА. Мне Маргарита Федоровна сказала - контузия, а еще - малокровие ...

КОШКИНА. Морковку надо есть. Не горюй, девка! Ничо. Вот как ты навоевалась ... Ничо. Все наладится. Ко мне в деревню приезжай. У нас ведь приволье. Весна. Ручьи вот-вот побегут. Скорее бы выбраться. На-ко, поешь - вот, съешь ржаную шаньгу с творогом.

ЛИДА. Держусь. Ничего. Вытерплю. Вынесу. Не такое видела, не такое терпела ...

КОШКИНА. Вот и терпи. Наше дело такое. Ничего, девки, всё вытерпим, всё выдюжим, а уныние - самый страшный грех, так Господь Бог говорил. Не унывайте, советские женщины, ну?! Вы ведь советские женщины, нет? Ну и вот!

Сидят все на кроватях, детей качают на руках, смеются и плачут.

1946 ГОД. У ЗИНЫ ЛОБАЕВОЙ.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. 46-ой год. Мне 24 года. Я стою на крыльце родильного дома. Март. Чернеет затаивший снег. Стою не одна. На руках голубой спеленанный сверток. Легкая живая тяжесть сквозь одеяльце. Меня выписали. Попросилась сама. Куда идти? Не знаю. Ездила в трамвае. Замерзла. Куда идти? На вокзал. Вот и сидела там ...

Лобаетова – милиционер, и с ней еще два милиционера - подошли к Лиде.

ЛОБАЕВА. Оба-на! Не верю! А я смотрю ... Шинель без погон, госпитальное дерьмо, бэу, кирзовые сапоги, дрянная ушанка. И вдруг понимаю, что это ты, что ли? Лидка?!

ЛИДА. Зина. Здравствуй ...

ЛОБАЕВА. Лидка? Не верю глазам. Ты? С лялькой? Ну, я тебе ведь говорила. Образовали. Да что там: вой-на. Му-роч-ка ... А ну, пошли. У меня остановишься ...

ЛИДА. Куда, Зина? Зачем тебе лишний рот? У меня и карточек-то на хлеб нет. Чтоб карточку, надо быть прописанной, где-то работать. Думаю: зайду в вокзал, посижу. На фронте я бы и сейчас нашла ночлег. Как просто было там, как сложно - тут, в тылу ...

ЛОБАЕВА. Устроимся. Что я, падла, что я - подругу брошу? Мы же фронтовые ... Я, Лидка, тоже живу не в цвет. В бараке, комнатешка. Ну, обещают, конечно. Со временем. Из-за этого и пошла из медицины в легавку ... Ой, но все лучше, чем в госпитале. Мужики надоели. Нанюхалась - во! Пошли!

ЛИДА. Зина, мне неловко ...

ЛОБАЕВА. Тихо! Давай твоего поддержи. Давай, не бойсь. Я, подруга, побольше тебя их натаскалась. Тут чуть не каждый день всяких брошенных, подкидышей подбираем. Работешка ... А народ какой сволочь стал! Скурвились за войну, охамели ... Совесть растрясли ... Послужи у нас чистенькая. Живо замараешься. Ранили меня тоже, вроде тебя. Девчонку родила. А что делать? Ребенок в интернате. На воскресенье приношу. И твоего устроим. Кто? Сын? Ну-у, Лидка, родная. Лидуха, подруга!

ЛИДА. Бабка мне говорила: «Всякого человека, Лидушка, береги, всякого приветь. Человек - людьми жив, ими держится, милая, ими. Приветишь человека, поможешь, и он тебе поможет».

ЛОБАЕВА. Не болтай. Проходи. Не запнись, половик тут. Чего стоишь? Давай ребенка сюда. Раздевайся. Как назвала? Петя? По кому? По отцу? Ну, ты даешь! Стоило по этому суке ... А-а! По твоему отцу! Правильно. А я думала. А отчество какое дала? Алексеевич? Чаю хочешь? Настоящий! Попьем сейчас. А его давай сюда. Здесь моя девка спит, когда приношу. На воскресенье. Потом еще кровать из стульев сделаем. Делов ... Ту хорошо, в бараке. Я, Лидка, не в бараке даже, в общежитии родилась. Общежитие такое у нас на пивзаводе было. Пивзавод знаешь? За парком. За Маяковкой? Общежитие, как у Горького в «На дне». Там я и родилась, и росла. Отца не знаю. Матушка у меня спилась - и меня в детдом ... Так что барак, Лидка, это еще не худшее. Бараком не брезгуй. С интернатом вот сложно будет устроить. Я-то еле-еле, и то потому, что - милиция. Ну, ничо. Ничо, Мура. Не вешай нос, подруга. Все сойдется ... Похудела-то! А в госпитале-то, помню, булочка была. Со сметаной. Счас я, подруга. Сиди, отдыхай ... Чайник в печке у меня всегда стоит. Поздно прихожу, а горячий.

Лобаева сняла амуницию, португую с наганом. Повесила над кроватью. В синей гимнастерке, распоясанная, была похожа на ладную полную бабу-хозяйку.

С пушкой этой хлопот! Решетку из-за нее в окне сделала. У меня так-то тащить нечего, а ее - залезут, спиздят, наотвечаешься. И чтоб мне с фронта какую поменьше игрушку привезти. А то дали такую дуру! Самовзвод. И без него нельзя. Ночами хожу. Одна. Раз даже отбиваться пришлось. Иду, Мура, гляжу, подходят. Ну, станционные. Может, меня еще с вокзала подследили. Мол, думают, баба, ночь. Вот и возьмут. Им, видать, пушку надо бы ... А я ведь - фронтовичка. Ах вы, думаю, суки, блядво, напугали бабу яйцами. Вытаскиваю пушку - хлоп в одного, хлоп - еще. Не убила, правда, ранила. А третий у меня вот так - ручки дергаются - сам пошел! У нас тут, Лидуха, фронт. Пораспустился народ за войну. Да и кому его держать? В легавке одни бабы, старики-мухоморы, от них толку-то ... Сейчас только мужики из армии подходить стали. Пей чай. Конфетки-подушечки, дунькина радость называется. Стесняешься. Ешь! Хлеб достаю. Хватает. Песок вот, правда, как обоссанный. И пахнет. Из чего его делают? У нас на вокзале мешочников, ханыг разных! Ну, иного и потрясешь. Не сдохнет, раз хлебом торгует ... Ешь. Сало вот. Картошка есть. Суп бы сварить, да некогда. А ничо, гладкая. Всю жизнь, Мура, так, привыкла. Подруги когда приходят - варят, а то у них пожру ...

Сидела раскрасневшаяся, красивая, густые волосы развязаны, раскрепощены, глаза без тайн, малиновые губы навыворот, кривятся каким-то постоянным томным желанием, презрением ли. Мало изменилась. Стала, пожалуй, еще увереннее, грубее.

Спать ляжем вместе. Кровать широкая. Ну-ну ... Одеди тебя! Не пожалели! Давай, снимай это барахло. Снимай! Чего застыдилась? Сорочки у меня, правда, не новые, а штаны новые, вот, из обмундирования. Вот, надевай все, носи. Надевай, говорю?! Дарю от души, подруга. Ничего лучшего нету.

ЛИДА. До чего дожила ... Как нищенка, чужое надеваю. Пусть дареное ... Но и в больничном этом рубище, с ляписовыми клеймами - еще хуже.

ЛОБАЕВА. Вот теперь опять на девочку похожа. А здорово тебя, подруга, исковыряло: и в ноги, и в грудь, и в живот ... Как его-то выносила? Не расползлось пузо?

ЛИДА. Вылежала. Не выносила. Все было ...

ЛОБАЕВА. Ну, ничего ... Мы, бабы, как кошки. А пролетела-то как? Или самой захотелось? Ты сядь или ложись лучше. Устала. Понимаю.

ЛИДА. Какая кровать у тебя. Пружинная, широкая, с никелированными шариками. Такие кровати назывались до войны «варшавскими». Похожа на кровать моих родителей.

ЛОБАЕВА. Единственная хорошая вещь в моей комнатухе, тут нет ничего прямого. Кривое окно, кривые косяки, продавленный пол, прогнутый потолок еле-еле в известке.

ЛИДА. Он меня изнасиловал. Комбат Полещук.

ЛОБАЕВА. Я уж поняла. Крепко досталось, дорогуша. Ну, жива, вот главное. Жива ... Остальное - хуерга! Заживем! А какая ты все-таки хорошенькая, Мура! Дай поцелую!

Обняла, стала целовать в щеки, в губы.

Да не крутись! Я знаешь как рада! Я тебя давно люблю. Правда. Рада! Дай еще в щечку!

ЛИДА. Маленький ворочается, закрихтел ...

ЛОБАЕВА. Ну, пошли его перепеленывать ... Ишь, крихтит да сосет. А моя Ольга - рева. Если б не интернат, я бы с ума сдвинулась. На воскресенье принесу - две ночи не сплю.

ЛИДА. Зина, устала я до обморока, не знаю, как после роддома продержалась весь этот трамвайно-вокзальный день. Знаешь, не пройди я окопы, войну, всю эту муку дорог в войну, землянок, траншей, госпиталей, я бы не выдержала. Что-то давно лопнуло во мне. Ты меня спасаешь, Зина ...

ЛОБАЕВА. Не болтай. Спи, давай ... Спать будем.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Во сне я опять видела войну. Комбат Полещук, ставший вдруг фашистским офицером, вломившись в вагон, где я ехала на фронт, опять тащил меня куда-то за руки, опять делал со мной нечто бесстыдное, хватал за ноги, за грудь, а я никак не могла проснуться, но знала, что это сон и, значит, ничего мне не страшно. Ничего. Пробудилась от плача малыша. Было светло. Зина, должно быть, ушла на службу. На стене ни шинели, ни нагана, ни шапки на манер кубанки. На столе сковородка с жареной картошкой, стакан молока. Записка. «Мура! Выкупи хлеб по карточке. Ешь, пей, не стесняйся. Молоко еще в бидоне у порога. Картошка под кроватью. Хлеб в столе и там сало. Приду поздно. Придумай чего-нибудь пожрать ...»

1947 ГОД. ВСТРЕЧА.

За проломанным забором плывут составы, вагоны. Лида с ребенком на руках.

ЛИДА. Не могу больше ... Прости меня, Господи ... Не могу. Вагоны! Пойду туда! Сунусь под первый состав - и все ... Хватит! Все кончится ... Как Анна Каренина – туда головой. Она от любви, от дури, поди, а я - от жизни проклятой. Как там было написано: «И свеча, которая освещала ей в жизни - погасла ...». Вот сунусь туда и на том конец ...

И, уже решив, скорым шагом Лида пошла к забору. Забор был когда-то зеленый, теперь грязно-серый. Дыра к путям залоснена спелками.

В дыре появилась женская нога в распоротом валенке, задралась юбка над синепрожилой ляжкой, потом всю пробоину занял бабий бок в телогрейке, наконец, голова в клетку платке. Женщина вытащила из дыры вторую, неподатливо засевшую часть, встала перед Лидой, встала боком как-то и стало понятно теперь, что у нее одна нога до колена – протез.

ФИСА. Тьфу ... Завязла ... Как кабан. Сало-то проклятое растет. Без мужика живу - гонять некому. Ты чего тут бормочешь? Здорово, мать! Не узнала? Фиса я. В госпитале вместе ...

ЛИДА. Фиса, да. Ты? А ты как тут?

ФИСА. Да вот, на протезах, а хожу. Сделали мне. Не ждала тебя увидеть! А ты это чего? Белехонька ... Ревешь, а? Не надо, мать! Ну, бросил, и хрен с ним. Дите вырастишь. Одна, что ли, ты такая? Куда ты шла? Туда? На рельсы? Завертай-ко! Дай дитятку-то поняну. А-и, какой славный мальчушка-то у тебя. Ишь, улыбается. Давно маленького не держала. А так бы еще родила. Парень мой без отца растет. Убили ... В самом начале погиб Сашенька. Без мужика живу! А похоронка только недавно пришла. Все сама. Ну, чего сделаешь? Война. Не мы одне так. Слава Богу, кончилась, проклятая.

ЛИДА. Конца не видать было ...

ФИСА. Оживем как-нибудь. Да не тужи, девка. Никогда из жизни трагедию-то делать не надо. Жизнь дана - и живи. Жизнь - подарок. Вот и живи, терпи-майся, а держись. Глядишь - легче станет. Обязательно все пройдет. Вот пойдем ко мне? Вон барак-от, близко. Седьмая комната. Приходи. Вместе и поплачемся. Вместе и легче станет. У меня чай есть, семейный, настоящий! Бражки найду. Айда? А худые мысли брось. Живи, мать, все наладится. Ты еще и молода-пригожа. Мужа найдешь, расцветешь. Приходи. Вон за тем вон барак. Я сама-то в депо, в столовой работаю. Посудницей. Стоять тяжело, мыть, дак я животом на корыто лягу и так мою. Приходи? Что смотришь?

ЛИДА. Я туда хотела. А ты тут вдруг, Фиса ... Ты прям как мой ангел-хранитель ...

ФИСА. Да, да, видала какой ангел-хранитель в мазутном ватнике? Вот, погляди, как я хожу: качаюсь, как медведь, да ведь не унываю. А валенки у меня какие! Подшитые, поротые, на деревяшки одеты. Страшно смотреть, неуклюжа и неповоротлива. А под поезд не хочу. Это ты начиталась книжек своих? Дурочка. Заходи ко мне, когда хочешь ...

Фиса пошла, остановилась, повернулась, помахала: «Заходи!» - указала куда.

1946 ГОД. ГУЛЯНКА.

Зина явилась поздно и не одна. Подруг было две. Розово-сдобная бабеа с желтыми густыми волосами, в железнодорожной шинели, в цветном платочке и тощенькая, бледноватая девчушка-поганка в черной шинельке - ученица ФЗО. Она была в мужской, парнишечьей ушанке.

ЛОБАЕВА. Девки! Раздевайся! Это - своя! Мы с ней воевали. Счас пить будем ... Эх, и гулять будем! Праздник сегодня. Наш! Лидуха? Мура? Правильно говорю? Праздник!

Лобаева выставила из шинели бутылку, заткнутую газетной пробкой.

Спирт!

ИРА. Дак мы знакомы. Помнишь? Я Ира. Вместе в роддоме лежали.

ЛИДА. Ну да, кажется ... Была там такая молоденькая татарочка? Это - ты? Вы, то есть?

ИРА. Ты, вы. Она самая. Тесен мир! Давай на стол всё! Клади сюда банку тушенки, вареные яйца, буханку хлеба, луковицы, пиленый сахар - пусть лежит всё кучей!

Стол был накрыт быстро, хлеб нарезан, щербленые тарелки на местах, граненые стаканы - тоже.

ЛОБАЕВА. Девки?! За стол! Пьем! Сегодня наш день? Или не наш? Хоть день, да наш! И ночь наша! Ирка! Лелька! На койку садитесь! А ты, Мура, и я - на стульях. Ты - гостья. А я хозяйка! Ну, девки! За дружбу и любовь. Чтобы елось и пилось, чтоб хотелось и еблось!

ЛЕЛЯ. Дура! Не матерись.

ИРА. А ты чего не пьешь? Ты ж фронтовичка?

ЛИДА. Не хочу. Не могу. Спирт.

ЛЕЛЯ. Подумаешь. Смотри, вот так он пьется.

Хокнув, влила в себя с полстакана, отпила из кружки, облизнулась острым змеиным языком.

Видела? Х-хе ...

ЛОБАЕВА. Ты, Лелька, ее не учи! Не порти!

ЛЕЛЯ. Лидуха, по маленькой, сколько сможешь. Ну, давай! За нашу с тобой дружбу ...

ЛОБАЕВА. Сегодня же день Восьмого марта! Женский день! Праздник! А на фронте мне в этот день ух как было. Поздравляют. Едят глазами, кобели. Одаривают. Тащат в землянки. Просто прямо силой тащат, хохочут, не отобьешься. «На руках понесем!» В землянке водка, еще чего-нибудь такое же. И все: «Зиночка! Родная! Зинок! Сестричка! За тебя! Ну, махонькую!». Там всем была нужна. Всем, без исключения. Здесь - никому.

ЛИДА. Лида, там было сознание своей нужности, незаменимости, женской сути и даже власти и это давало возможность держаться, жить, воевать, делать свое дело.

ИРА. Умничает, смотри.

ЛОБАЕВА. Вот именно, красиво сказала! Что я теперь тут? Именно что, а не кто?

ЛЕЛЯ. Не ной. Опять начала.

ИРА. Включай граммофон, мы танцевать будем!

Лобаева включила граммофон, заскрипела пластинка и запела «В парке Чаир». Ира и Леля стали прижиматься друг к другу, хихикать и танцевать. Лобаева сидела на кровати с Лидой.

ЛОБАЕВА. Лидка? Они тебе понравятся. Они - ничего. Стервы, но ничего ... Душевные! Вот увидишь - понравятся. А ты, Лелька, у меня смотри! Это моя лучшая подруга. Мы вместе с ней всю войну, поняла? И все. Ты, телка, наливай! За нас! За баб! Девки, собирайтесь. К любовникам пойдём!

Засмеялись, засобирались. Хлопнула дверь, подружки вышли и встали, курили у крыльца. Лобаева осталась и наклонилась к Лиде.

От меня водкой пахнет. Эх, Мурочка, надо бы тебе устроиться не у меня. Не приживёшься ты со мной. Чувствую. Не вздумай только понять, что гоню. Живи хоть все время. Не об этом я. Я-то ведь - конченная. Все прошла, до края докатилась ... Мне себя не жалко. Чего жалеть? Сама ... Все хотелось слаще сахару попробовать ... Вот что. Завтра схожу пропишу тебя у себя. Чтоб карточки выдали. Там у меня свои девки, в паспортном, и с начальником у меня тоже вась-вась! А там надо будет тебе выбираться, Мура, из этой ямы ...

ЛИДА. Зачем ты меня какой-то Мурой зовёшь?

ЛОБАЕВА. Кошечка у меня такая была. А ты - девочка, вот и сейчас будто девочка. Я поняла это и раньше понимала. А меня мужики, жизнь испортила. Бараки эти, общаги ... Да и сама я - сука. И подружки мои - ещё законнее ... Берегись их, такая помойка ...

Лобаева встала, прошла по комнате, стуча сапогами.

Я уж так и буду. Такая судьба. Ты выкарабкивайся. Я тебе подмога. Что, зря на фронте вместе горели? Пошвыркай чего-нибудь. Молоко есть. Хлеб купи, карточки в столе. Я сегодня не приду. Техничка в школе нужна, уборщица. Комнату дают. В подвале, правда. Сходи, узнай. А прописка у меня. Карточки будешь получать ... Прости меня, Мура ...

1950 ГОД. В ШКОЛЕ.

В пустой школе, в комнатухе с одним окном рядом с учительской сидел директор, Сергей Петрович, мужчина с лицом, состоящим словно из одних малиновых шрамов и прыщей, с таким же плоским прыщеватым лбом. Украшали лицо директора только очки, большие, квадратные.

СЕРГЕЙ. Что?

ЛИДА. В школу. На работу ...

СЕРГЕЙ. А-а ... Садитесь. Зарплата устроит? Сторожем будете по совместительству.

ЛИДА. Мне важнее комната.

СЕРГЕЙ. Комнаты нет. Вернее, есть, но подвал. С печкой.

ЛИДА. Ничего.

СЕРГЕЙ. Посмотрите сначала.

ЛИДА. Ничего.

СЕРГЕЙ. Ну, раз так - пожалуйста. Пишите заявление и пойдёмте посмотреть хозяйство наше ... Школа у нас - рабочей молодежи. У нас строго. Я член партии ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Ну вот, я и уборщица. Меня зовут тетя Лида, хотя чаще просто Лида. Мне теперь никогда не стать ни Лидочкой, ни даже Лидией Петровной. Я мою коридоры, переворачиваю парты, мету сор, семечки, бумажки, кипячу воду для бачка, закрываю и открываю школу. На меня обращают внимание не больше, чем на тряпку у

порога, которую я кладу, следя, чтобы вытирали ноги. Со мной здороваются директор и учителя. Правда, не все. Со мной приветливы - и опять не все.

ЛИДА. Здравствуйте, Светлана Васильевна.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА. Чего это? Почему вы со мной всегда здороваетесь? Простите, но вы же пария, низшая каста. А я замдиректора школы.

ЛИДА. Правда? Вы так думаете? А не хотите спросить меня о моем прошлом?

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА. Женщина, вы как будто похожи на девушку, но какая вы девушка? Может, лет двадцать пять сейчас вам, но выглядите плохо и старше своих лет. И видно, что бывалая, иначе с чего женщина станет работать техничкой. Да еще уже с ребенком. Мужа, естественно, нет. И ходит, ходит - стыд смотреть! - в солдатской гимнастерке, застиранной юбке, рваные, штопаные чулки, совсем дырявые сапоги.

ЛИДА. А так оно и есть. Только сапоги не дырявые, а починенные.

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА. Ну вот. И всё какая-то молчаливая, со странным взглядом. Волосы - ничего себе, ноги есть, «в теле», склонная к полноте. Милая, я смотрю на вас с ужасом. Вы грязная. А я, знаете, я помешана на чистоте. Всего доброго. *(И по коридору)*.

ТАИСЬЯ. Здоров. Ну вот, встретились. Не помнишь? В роддоме лежали вместе. Ты теперь моя напарница. Два дня ты, два я. Ты на нее не смотри. Замдиректора прибабахнутая. Дурко. Взбесилась на чистоте, даже в школьный туалет не заходит. Боится загрязниться, подхватить инфекцию. Вот дура. В учительской за телефонную трубку берется бумажкой, вырвет из тетради, и так же двери классов открывает. Она так и ходит по школе с бумажкой в руке. Смех!

ГАЛИНА НИКИТИЧНА *(идет мимо, бормочет)*. Я тут заведу библиотекой ...В библиотеке на шкафах грязь. Пыль. Надо вымыть. Это старинные шкафы, старинная библиотека, а вы так вот к ней ... У меня такие способные дети, такой муж ... *(Ушла)*.

ТАИСЬЯ. Еще одна ебанько. У нас библиотека-то вся в двух старых черных шкафах в комнатке, тут вот, по другую сторону учительской. Шкафы закрыты на висячие замки, а она, наша библиотечарша, только и знает, что пишет справки, оформляет документы.

ГАЛИНА НИКИТИЧНА *(пришла)*. Вы должны сидеть тут на табурете в центре коридора, ждать по времени и подавать звонок. А потом мыть классы.

ЛИДА. Сижу. Думаю. Сижу на табурете ... Потом мыть пойду ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я сидела и думала о прошлом, вспоминала недавние фронтовые дни. Уже сливаются дни, соединяются, как станешь вспоминать, в одну сплошную муку и маету. Попробуй выдели день. Только помнится чушь, вроде пробитой осколком фляги, лошадиного копыта вместе с подковой, найденного на дороге, кучи стреляных гильз, снарядных стаканов. Время на передовой не помнилось. Время там точно странно растягивалось в вековую, невыносимую, до грудной боли, до отупения, нескончаемость. Время там и бежало, не оглянешься: зима, лето, осень - все под откос ...

ЛИДА. Время - оно и здесь субстанция, только меньше - все эти сорок пять минут, когда сидишь под часами, отупело вслушиваясь в невнятные голоса учеников и учителей.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А на фронте эта субстанция могла давить, как стотонная масса, во время огневого налета в поле, в степи я вжималась лицом в колючую землю, в снег, закрывала шею, сжимала плечи, каменела в глине, в стылой грязи с одной мыслью: «Пронеси, Господи! Да сколько можно! Не вынесу!». Сердце стучит, как мышь в банке, и безумная молния жжет и жжет - выжигает душу. Если вскочить?! Побежать навстречу этому свисту, грохоту, вою, исчезнуть в нем, сгореть, как бабочка в огне, и уже не чувствовать ничего, не дергаться вместе с землей, не слышать, как больно молотит тебя по

рукам, по ногам, по спине. И вскакивали, и сгорали. Прибывало пополнение. В конце войны не солдаты - пацаны, рослые дети. И уже к вечеру кто-то из них убит, ранен, исходит кровью. Время его кончилось, и ничем не вернуть ему время. Я только могу бинтовать, зная, что все бесполезно, видеть, как жизнь с кровью вытекает из молодого тела и вытекает душа, улетает жизнь. На Орловской одному парню оторвало ногу. С такой раной обычно теряют сознание. И я даже не знала, что мне делать, солдат был в памяти. Я вытащила его на плащ-палатке в яму, плащ-палатка полна горячей крови, я вся вымокла в ней, пока возилась, хотела наложить жгут там, где уже ничего не было. Жгут сползал, а парень не терял сознания, все спрашивал, будет ли играть в футбол. «Будешь, будешь», - повторяла я. Он не прожил и часа. Это было в сорок третьем, а помню, точно вчера ...

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА *(пришла)*. Вот, едва не прозевала звонок. Классы уже открываются. Где звонок? Вы спите, что ли?! *(Ушла)*.

ТАИСЬЯ. Лидка, ты это - глянь: мой сожитель, Иван Селиверстович.

ИВАН. Здоров, ты. Как ты? Я каждый вечер тут сижу, жду свою супруженицу, пока помрет. Квартира у нас благоустроенная! Я за что воевал? Кровь проливал? Награды имею. «За победу над Германией», «Над Японией» - ношу, не снимая. Я инвалид!

ЛИДА. Я помню тебя. Мы на фронте встречались. Забыл? В хозвзводе служил? Фуражку офицерскую зачем носишь?

ИВАН. Чего тебе? Кого ты? Да я командовал батареей, подбивал танки, по «юнкерсам» стрелял, с Жуковым встречался, с Рокоссовским!

ЛИДА. Вранье какое-то дикое, нескладное, смешное. Зачем ты?

ИВАН. Не веришь? Вот с места не сойти! Подходит ко мне Рокоссовский и это, руку подает. Я тогда в разведку ходил. «Языка» взял. Немца-офицера. Привел. А важный оказался, холера. Меня в штаб. Ну, и это. Рокоссовский руку пожал. К «Отечественной» представил. Не получил пока. Ну, я своего добыю. Везде написал. Лежу, понимаешь, под бомбежкой, «мессер» на меня сверху: тра-та-та-та. Пули: тюк-тюк-тюк. И вот шинель пробило, между ногами пули прошли, а я целый. Я трижды ранен. А ты чего квартиру себе не требуешь? Обязаны обеспечить! Раз воевала. Благоустроенную - и никаких. Мы за что боролись? Обязаны!

ЛИДА. Да, Ваня ... Гляжу и думаю: чем дальше война, тем ближе линия фронта к тылу ...

ИВАН. Чего ты там пиздишь?

ЛИДА. Иди уже. Галина Никитична, я хотела книги читать. Они в шкафу под замком ...

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Вы кем работаете? Техничкой? Здесь же уникальные книги! Старинные издания. Это ценность. И я не могу брать на себя такую ответственность. Потеряете. Изорвете. Кто будет платить? Не может быть речи! Что вы, милая?!

ЛИДА. Но почему вы решили, что книги я буду рвать и терять? Я здесь живу.

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Не вы - так ваш ребенок.

ЛИДА. Он еще не умеет ходить. И читать - тоже.

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Девушка! Не издевайтесь надо мной! Это никому не позволено. Вам - тем более! Да-да! Вы забываетесь! Вы даже не ученица и не имеете никакого права требовать. Я вам объяснила! Книги не выдаются! Ни-ка-му!

ЛИДА. Вы же как будто все-таки библиотекарь ...

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Это не ваше дело! «Как будто!» Где вы этому научились? На войне?! Я старше вас! Я работаю! Меня уважают! И вообще кто вы такая? Миленькая моя, мне с таким трудом хватает такта объясняться с какой-то нахалкой, девкой, поломойкой в

солдатской юбчонке. Вот ведь какая наглость!

ЛИДА. Знаете, что? За что эти книги томятся в шкафах? Я вот думаю, книги могут молча страдать. Сколько на Руси может вот так вот лежать всего того, что не выдается, не допускается, скрыто от глаз за десятью печатями логикой усердного чурбана.

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Ты про кого так? Про меня?! Ты, пэпэжэ?!

ЛИДА. Про вас. И на фронте таких как вы было сколько угодно. Из-за этого чурбанства не подвозили снаряды, лишали удовольствия, заставляли бессмысленно терять людей - тех, кого настигала мина, снайперская пуля, очередь проклятого «мессера».

ГАЛИНА НИКИТИЧНА. Да она сумасшедшая! Какой фронт? На каком фронте она была? Какая-то поломойка так разговаривает! Вы знаете, какой у меня муж, какие дети?!

ЛИДА. Знаю. До свидания. Мне надо мыть пол.

Лида мыла коридор. В окно постучали.

ЛОБАЕВА. Откройте! Милиция!

ЛИДА. Милиция?

ЛОБАЕВА. Ну, Мурочка, еле-еле я тебя нашла. Нашла! Здравствуй, золотце. Вот где ты? Слово - олово? Придешь ты, говорила, а сама ... А, Лидуха? Почему ушла? От подруги ...

ЛИДА. Я мешать не хотела ...

ЛОБАЕВА. Интеллигентная! Я ждала ... Не любишь. А я, Мурочка, чувствительная ... Напилась сегодня так ... Устала, Мурочка! Дай обниму?

ЛИДА. Зина, ты пьяная. Ты что ж такая стала? Ты фронт забыла? Какая ты там была? Ты тонешь сейчас. А ведь тебя, бывало, ничем не проймешь. Отбреешь - только сунься. Лобаева - не из жертв.

ЛОБАЕВА. Нет, я не из жертв. В кино была сейчас со своими ... Смотрели «Девушку моей мечты» ... Какая песня! «Ин дер нахт ист айн менш них герн алляйне!» Эта сука танцевала, когда мы на фронте гнили в окопах ... Кино в 44 году сняли! Танцевала, бядина! А мы ... Работаешь? Молодец ... Ты сильная. А я - слабачка. Мне бы все по ветру. Дорваться, нажраться ... Ладно. Кошечка? Иди ко мне снова? Девоч этих я прогоню ... Зажили бы, а? Хотя - ты правильно сделала, что ушла, правильно. Потому что я ... Я даже хуже. Все равно бы ты там подломилась ... Я все знаю ... Мать у меня такая была ...

ЛИДА. Спать иди.

ЛОБАЕВА. Что там у тебя в этих шкафах за барахло?

ЛИДА. Книги. Да не знаю какие. Читать хочется, а библиотекарша не дает.

ЛОБАЕВА. Как это? Не дает? Тебе?! Тебе, Мурочка, не дают книжек? Ну, счас.

Она встала, опираясь одной рукой о стол, другой шаря в кармане шинели.

ЛИДА. Что ты?

ЛОБАЕВА. Открою ...

ЛИДА. Зина!

ЛОБАЕВА. А что? Я - кто? Милиция или нет?

ЛИДА. Зина!

ЛОБАЕВА. Молчи! У меня от всех замков ключ. Отмычка. Мы, знаешь, у шпаны, у воров сколько такого добра трясем? А я - себе оставила. Комнату открывать, если ключ ... Я - милиция. Я все могу! Открыть и закрыть. Да не мандражи ты ... Закрою. Как было.

Зина, покачиваясь, взялась за кольца, не сразу попав в скважину, ковырнула, и замчишко тотчас

точно распался, повис на дужке, бессильный и пустяковый.

Видала? Все просто. И вся любовь. А сейчас закроем. Видала?! Это я еще пья ... поддатая. А так - хуйня ... На ... Дарю! Жалко, что ли?

Отвалившись на спинку стула, сдвинув полы шинели, она неверными пальцами со шелканьем поправила круглую резинку чулка, потянула юбку.

Такой замок, Мурочка, называется, знаешь как? Нет? Не знаешь. Он называется «от честных людей». Запомни. От честных. Ладно. Идти надо. Ох, наследила я тебе. Извини ...

Она встала, подобрала кубанку, нетвердо нашлапнула на свои шестимесячные кудри и направилась к выходу, неловко переставляя ноги.

Нет, не иди со мной. Я теперь, Мура, грязная. А ты - чистая. И нам нет дороги. Нет, Мурочка. Не провожай. Сама я ... Сама ...

Лида вышла следом на крыльцо. Лобаева пошатнулась, едва устояла.

Шел крупный снег, и она стояла под ним, шутливо-косо, как маленькая, глядя на Лиду, а потом погрозила кулаком, пошла своей обычной развинченной походкой. Даже не оглянулась. Скрылась за углом на Первомайскую.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А я открыла шкаф с книгами. Вот мое спасение. В детстве у меня был шкаф, но не такой, как этот, поменьше, и в нем тоже были книги. И каждый раз, открывая его створки, вдыхая запах бумаги, библиотеки, запах типографской краски, запах пыльных корешков, мне казалось, что я не дверцы шкафа открываю, а это крылья у шкафа или парус какого-то корабля, который меня подхватывал и уносил ввысь, в облака ... И тогда, в те годы, что я работала уборщицей в школе, книги спасли меня от безумия, я забыла с ними тот ужас, который прошла ... Читала книги сыну, Пете. Мальчик подрастал, был серьезный, не уросливый. Я боялась, что он будет похож на Полещука, на отца, на комбата, который изнасиловал меня ... Нет, он был совсем другим.

ЛИДА. Петя, это Лев Толстой. Писатель. Вот, слушай: « ... *Встретившись в гостиной с Соней, Ростов покраснел. Он не знал, как обойтись с ней. Вчера они поцеловались в первую минуту радости свидания, но нынче он чувствовал, что нельзя было этого сделать; он чувствовал, что все, и мать и сестры, смотрели на него вопросительно и от него ожидали, как он поведет себя с нею. Он поцеловал ее руку и назвал ее вы - Соня. Но глаза их, встретившись, сказали друг другу «ты» и нежно поцеловались. Она просила своим взглядом благодарил его за его любовь. Он своим взглядом благодарил ее за предложение свободы и говорил, что, так ли, иначе ли, он никогда не перестанет любить ее, потому что нельзя не любить ее ...*»

1958 ГОД. МУЖ

Звучит в доме песня: «Чико-Чико, из Порто-Рико! А это Чико прибыл к нам из Порто-Рико! А Чико-Чико, из Порто-Рико ...»

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Можно ли представить, что я натворила? Я вышла замуж за Самохвалова. Сын, Петя, сказал мне, что не станет с нами жить. Сказал, что он сын командира полка Полещука, а не таксиста Самохвалова. Поступил в военное училище, и мы с ним виделись только по выходным. Мне было тридцать семь. Сыну четырнадцать. Самохвалову тридцать два. Вышла замуж. Как получилось? По расчету? Годы? Выгодная партия? Некуда деться? Судите как хотите. Да, расчет, годы. Бессонные ночи. Тело, которое после тридцати задалось целью изводить меня. Чем я хуже других, у кого мужа, семья? И я хочу мужа, семью, детей. Хочу засыпать за надежной спиной, положить голову на мужскую сильную руку! Сколько можно одиночества, тоски, военных снов? Может, так я хотела забыть прошлое, войну, которая не так вспоминалась, но все снилась ранами, кровью, трупами, нависающим страхом. Во сне я встречалась с теми, кого уж давным-давно не было и кто жил во мне. У Самохвалова двухкомнатная квартира и даже машина «Москвич». Теперь я поселилась на улице Свердлова, в только что построенном доме с высокими потолками и узкими окнами на брэнчавшую трамваями улицу.

САМОХВАЛОВ. Квартира у меня с рижской мебелью, Лидуша! Я ее привез контейнерами из-под Москвы, «достал» через базу Владимира Варфоломеевича. Я, Лидуша, из деревни, и что красивое увижу, сразу говорю: «У-ю-ю-ю!».

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А откуда у тебя эти дорогие обои, кафельная плитка?

САМОХВАЛОВ. Оттуда! Я вот еще достану с базы цветной линолеум для кухни и коридора. Я, Лидуша, умею вить гнездо: любовно, старательно, прочно!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Выключай радио. Оно у тебя с утра до ночи разговаривает ...

САМОХВАЛОВ. А мне нравится ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Всё время радио: война, война. Вьетнам. Конго. И опять Вьетнам. И Ближний Восток. И Дальний Восток. Все заражено войной, и она не гаснет, лишь гложет, как торфяной подземный пожар, как костер, оставленный в лесу. Надо дунуть ветру - родится пламя, война побежит по Земле, зажжет леса и небеса, выйдет из-под контроля разума, пойдет в разгон, обернется вселенским безумием, и только дым и тлен могут падать и падать века в горячий океанский бульон ...

САМОХВАЛОВ. Ты прям так красиво говоришь, прям принцесса на горошине. Спросить хотел про сегодняшнюю ночь ... Ты что вся в рубцах? Воевала? Где это тебя? Угваздало! Испластало-то? Ты смотри: тут рубец, там ... На животе-то! А это что? Пулей? На выход? Досталось тебе, девушка! Не думал ... Как тебя изувечило? И в боях была? Или как?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Была. Что думаешь? Опять не ту взял? Я ведь знаю, что я у тебя третья жена. Так?

САМОХВАЛОВ. Так. Первую оставил в деревне. Вторая блядовала. Я ревнивый, если что. Из больницы уходи. Там мужики одни.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я медсестра.

САМОХВАЛОВ. И что? Чо это ты, как девка, все жмешься, не даешься? И холодная ... Лед. Как это тебя понять? Говоришь еще: «Войну прошла?» Ты навроде бабой-то как не была. Стыда в тебе этого натолкано, не по-бабски.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Какая есть.

САМОХВАЛОВ. Как же с другими-то?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. У меня не было других ...

САМОХВАЛОВ. Ну это ты, Лида, брось ... Все бабы-девки врут. «Ты первый! Ты единственный!» Моя-то, Дуська, с которой разбежался, врала ... Уши вянут. И так ведь врет - в глаза глядит! Я теперь бабам не верю. А как же на фронте? Никто тебя не жамкал?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Не жамкал вот.

САМОХВАЛОВ. И никого ты не любила?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Любила. Он погиб. Алеша его звали ...

1970 ГОД. СЫН.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. «Когда я итожу то, что прожил и роюсь в днях – счастливый где» – сказал поэт. И вот я итожу. Счастьем были дети. Сын – рожденный от нелюбимого и дочь – приемная дочь. Сына нет. Погиб в 1979 году, в Афганистане. За что Господь мне столько боли и горя в жизни дал, за что наказал – не знаю. И чтобы добить и растоптать в конце жизни – смерть сына.

ПЕТЯ. Мама, у меня всё в порядке.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мне снился один и тот же цветной, яркий, до дрожи реальный сон:

идет бой, все вспыхивает желтым, оранжевым, синим, хлещет землей и камнем, и будто качается земля, грозит перевернуться, опрокинуться. Бьет артиллерия, минометы втыкают мины, а я ползаю по передовой, вопреки рассудку, вопреки боевому правилу не высовываться при обстреле, я даже смотрю, как белым, красным и черным раскрываются, точно вееры, пропадают и мечутся огненные вспышки. Надо мною мрак и мгла, и я понимаю, что это сон, но сон, так реально переходящий в бой, где пляшут адские эти огни, и постепенно они окружают меня, я прижимаюсь к земле, как животное, как, может быть, перепуганная насмерть собака, и камни начинают падать, валиться, валиться на меня земля, некая тяжесть мглы, распростертой надо мной. И вдруг слышу - меня зовут: кричит, стонет тяжелораненый. Он где-то впереди, в дыму, вон там, под тьмой, красной и фиолетовой, как закат, и мне надо туда. Надо туда! И я ползу, отталкиваю накрывающую меня тяжесть, ползу и ползу к закату и вдруг вижу край обваленной траншеи, на дне раненый, полузасыпанный землей, и я тоже сваливаюсь, сползаю туда. Начинаю его откапывать, ощупывать, куда ранен, пытаюсь вытянуть из земли, поднять, мне надо поднять его на осыпающийся край траншеи, и я взваливаю раненого на спину, он придавливает меня, а я напрягаюсь, как могу, и тут только понимаю - солдат этот не наш, это немец, фашист. Я выталкиваю солдата за край бруствера, но немец голосом моего сына кричит: «Ма-ма! Ма-а-ма!» И тогда я вспоминаю, что обязана помогать любому раненому, любому, кто в беде, я выбираюсь из траншеи, накрываю раненого плащ-палаткой и переворачиваю - прием, которым я вытащила уже столько, - и все время вглядываюсь, пытаюсь понять неразрешимое, почему он зовет меня матерью, по-русски, голосом моего сына? В том, что он немец, я не сомневаюсь, каска, погоны, но он раненый, или кажется мне так ... Или это мой сын - тогда почему он так одет? Мне надо скорей, прочь от фиолетовой и багровой мглы, она может догнать, испепелить меня, я могу сама стать куском этой мглы. И это не мгла, а гангрена, гангрена, и она настигает меня, почти настигла, а я тащу немца, как таскала своих солдат, огромных, тяжелых, стонущих, матерящихся, а этот все кричит: «Мама! Мама! Мама!» От багровой мглы нет спасения, вот она настигла и валится на меня. Я не могу понять, что это - бомбежка, налет, кругом черно, и только издалека крик раненого: «Мама! Мама!» Просыпаюсь и вижу лицо сына.

ПЕТЯ. Мама, у меня всё в порядке.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А сын подполковника вставал спозаранок по своему внутреннему, неслышному будильнику. Сын подполковника лез под холодный кран, пока еще все спали, в одной рубашке зимой, осенью уходил на пробежку. В школу ходил только в легоньком демисезонном пальто без ваты. «Шинели ведь не на ней?» - возразил как-то на мои упреки. «Простудишься! Можешь заболеть». Он редко простужался. Любил, чтоб всегда была открыта форточка. Когда я оставалась на ночные дежурства, а приходила рано, заставляла его спать на полу, под форточкой. Иногда со страхом смотрела на него. А он выдумывал есть один хлеб неделями. Или сухари. Сухари и вода - больше ничего. Однажды нашла у него в кармане горсть крупы-овсянки. Полезла посмотреть, цел ли карман. Они у него часто рвались, и он их неумело, через край, зашивал. Овсянка, думала, для воробьев. Оказалось, ел сам, потому что так питались в походах римские легионеры. Я знала - его не остановить.

1958. САМОХВАЛОВ

САМОХВАЛОВ. Вот, достал хороших яблок, тушенки, рыбки с икрой, глянь! Такие дорогие коробочные конфеты, таких не бывает на прилавках. Все с базы! С черного хода!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Хорошо.

САМОХВАЛОВ. Что ты за баба? Пашешь, пашешь ... А ты? «Хорошо!». Смотри вот: рубли, трешки, пятерки.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Что тебе так много дают? На чай? Ты же обыкновенный таксист?

САМОХВАЛОВ. Нет, не обыкновенный! Это я ... Ну, сменял, в кассе ... Зачем мне эту лапшу ... Ну, вот ... Есть детишкам на молочишко ... Теперь можно ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Что можно?

САМОХВАЛОВ. Ты это - собрала на стол? Ребята уже идут ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Собрала.

САМОХВАЛОВ. И что? Опять читала? Ученая! Писательница. Ну, читай, читай. Ну-ка, чего там? Писатели-то все врут! Книжки выдумывают, чтоб деньги грести ... А дураки покупают. А вообще незачем ... Лучше футбол или хоккей по телику ... Ну вот что тут написано? «Лень - это глупость тела, а глупость - лень ума». «Плутовство и вероломство - приемы дураков, у которых не хватает ума, чтобы жить честно». Ишь ты ... «Где глупость образец, там разум - бессилие ... » «Для глупца общество других глупцов несравненно приятнее всех великих умов в мире». Шопен ... Шопенга ... гау ... ер ... Это кто такой?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Философ.

САМОХВАЛОВ. А кто такой - фи-ло-соф?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мыслитель, мудрец, ученый, занимающийся философией.

САМОХВАЛОВ. Чо она такое?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Философия? Любовь к мудрости, к знанию.

САМОХВАЛОВ. К мудрости. Ученая ты ... Зачем это тебе? Голову только задурять. Я семь кончил, и то досыта ... Баранку-то крутить? Зачем? Фи-ло-соф!

За столом.

МИША. Вчера, ребята, я живцов взял ... Смех! На вокзале стоял ... В очередь там, известно, безнадёга. Диспетчерша, сучка, натолкает кого попало со скорого, с ночного - и вези. Народ такой грамотный, да еще из Москвы едут. Копейки лишней не выбьешь. Особенно с баб. Я, мужики, пассажира заранее вижу. По портмонетику. Если портмонетик, да еще тертый, с кнопкой! Обязательно - жила. От него копейки чик в чик, по счетчику, жди. Которые с бумажником - те лучше, но тоже, какой попадет ...

САМОХВАЛОВ. Это точно, Мишка! И я - тоже.

МИША. А чего говорю? Ну вот ... А кто в карманах деньгу мятой таскает - эти никогда не скупятся. Цыгане - тоже. Торгаши-цветочники. Тоже с портмонетиком. С пьяными - с теми не люблю. С ними хуже. Особая тактика нужна. Иному подпоешь, подхвалишь. С другим - маета. Много возьмешь, еще протрезвится - настучит, сука. Да вот, пожалуйста, третьего дня вез какого-то косоного хмыря на Загородную. У хмыря монеты в обрез, все пропил. Я вижу: дальше везти - себе в убыток. Останавливаю тачку, вытряхивайся, говорю. Он покосовырился, дверку открыл, вылез и ногой в нее - раз! Пинка. Ах ты, говорю, падла! Выскакиваю. А он, сука, бутылку из пазухи выхватывает и - поскользнулся, бутылка у него из руки хлоп передо мной - и не разбилась! Катится. Я ее - хват! Он - деру. А на пьяных-то ногах куда? Я догнал. Раз-два ... Сени-сени ... Еще пинка напоследок - и в машину. А бутылка-то - вот она!

СЕРГЕЙ. Ты про живцов начал ...

МИША. Ну да. Вот стою, значит, у вокзала, в сторонке, будто жду. Смотрю. Две бабы. Колхозницы. Старуха с молодой. И хлебальники такие - о-о! Стоят, хлопают. Подскакиваю. У меня глаз - ватерпас. Куда надо? Оказывается, за два квартала. А ночь, вечер ... Они в городе ничо не секут ... Ну - сели. На пятак их наказал. Рублевку на чай еще растряслись. Сергей, вот ты, как партеец, скажи нам - правильно?!

СЕРГЕЙ. Ничо. Пусть умнеют. Дураков и надо учить.

МИША. Ты, Серега, зачем в партию подался? В надежде на колею?

СЕРГЕЙ. Хватит. Пьяный.

ВЛАДИМИР. Сережа! Ты его не слушай! Помнится, ты директором в школе был? Это все - мелочишка. Живцы ... Правильно, что в партию. Надо в свои руки всё брать.

МИША. Ну, ты конечно! Ты - крупный! Мы тут молчим. А ты с чем? Мебелишка?

ВЛАДИМИР. Яблочки, дорогой, яблочки ...

МИША. И эхх, я-бы-ло-чи-ка, да на тарелочке! Да нна-до-ела мане же-на, а пой-ду к де-вочке! Не засыпья! Счас на балке строго. Сам видал, менты каких-то цветочников трясли. Хотели на моей машине в часть. Да отговорился. Заказан, мол, и скорей ноги.

ВЛАДИМИР. Ах, детки. Яблочки же через магазин прошли. Они там проданы. У магазина выручка вся, чеки выбиты, все до копейки. Директорше в лапку, приемщикам, кассирше ... Кап-кап ... Что ей, трудно сто раз по кассе постучать? Остальное - базар и покупатель. Я же не виноват, что в магазине они полтора, а на туче четыре с полтинной? Раз вы платите - вот вам товар. Там у меня две Маньки со справками. Реализуют колхозную продукцию. Все в чине. Все не в обиде.

САМОХВАЛОВ. Бе-хе-ес-ес ...

ВЛАДИМИР. Да пусть копают: им ведь тоже лишнее дело заводить в убыток. А если все документы? Все законно? Все печати? Ну, идите, проверьте ... И яблочками магазин торговал. Свидетели есть. Покупали. Я ж тоже для людей стараюсь. Вот ты - бедный. Иди, стой в очереди. А у тебя густо - бери на туче. Лучший выбор. Пожалуйста.

СЕРГЕЙ. Ловкач!

ВЛАДИМИР. Да дело не в ловкости. Это, Серега, для карманников, щипачишек. Тут надо вот малость побольше других иметь. И шевелить рожками, рожками ... Ты пойми, всякой милиции-полиции даже не вор нужен, доказательство нужно, что ты - не он. Закон нужен, порядок, бумага. Лидочка, а вы куда? Выпейте с нами ...

САМОХВАЛОВ. Ну, нет - она у меня не пьет ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я на кухню - прибираться ...

Владимир Варфоломеевич пришел на кухню, пока в комнате мужчины пили и болтали.

ВЛАДИМИР. Что там на улице? Льет, а? Никакой погоды не стало ... А что, Лидуша, все так вот и будете продолжать с ним?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Не понимаю вас, Владимир Варфоломеевич.

ВЛАДИМИР. Зачем так официально. Для вас, Лидочка, я всегда Володя или Вова. Вовка. А что понимать? Всем же ясно, с Костюней у вас не то. Я не могу ошибиться.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Зачем же вам?

ВЛАДИМИР. А затем, дорогуша, что ты мне нравишься! И мне больно. И я тебе предлагаю просто, честно. Брось Самохвалова - иди ко мне.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. То есть?

ВЛАДИМИР. А то и есть, ты знаешь, есть восточная пословица: «Лучше быть любовницей султана, чем женой сапожника».

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вы и есть султан?

ВЛАДИМИР. Все может быть.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Надолго?

ВЛАДИМИР. Ты о чем, дорогая?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Надолго ли в султанах? Раз вы напрямик, я - тоже. Люблю определенность.

ВЛАДИМИР. Хвалю ... Люблю, когда прямо. Надолго же ничего не бывает. Все не вечно. Диалектика. Но ... Если друзья не заложат, а они не заложат, врагам я козыри не показываю, как, впрочем, и друзьям - тоже. Яблочки-персики, Лидочка, - это фу-фу. Друзья не заложат потому, что они не захотят быть со мной вместе в одной предвариловке. Это просто не в их интересах. А моя игра, Лидочка, чистая. Видишь ли, дорогая, я знаю людей, знаю жизнь. И я сразу понял, кто ты. Ты же девочка, по сути. Я приглядывался к тебе. И вот теперь все знаю. И я такую хочу. Мне надо твоей косы, чистой воды, воздуха, интеллекта. Надоели пиявки, стервы, дешевки, дуры! Ну?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Интересное предложение.

ВЛАДИМИР. Не тяни. Не люблю. Ударишь? Побежишь закладывать? Пожалуешься Самохвалову? Нет. Такие, как ты, не закладывают. А Самосвал – я его так зову - Самосвал тебе противен. Он же не ценит тебя, как дикарь жемчужину. От Самосвала ты не уходишь - тебе просто некуда. И я говорю: иди ко мне. Квартира будет. Жить будешь как захочешь. А я только приходить в гости. Я не мелочь! Ну, раз-другой в неделю. Отдохнуть душой. Если сживемся - женюсь. Я, Лидочка, никогда никого не подселел, не обездолил! И здесь бы я не стал всовываться, если б не видел, что у тебя с Самохвалом несовместимость. Он же просто балда. Гроботес. Обыкновенный мужик-хапуга. Деревня и полено! А деньги я делаю из человеческой глупости. Ну, вот надо кому-то, понимаешь, приспичило, гарнитур, рижский? Да и пожалуйста. На ты, возьми гарнитур! Кто дурак - тот и должен платить! За глупость или за жадность. Иди ко мне! Один раз живем. А ты и не жила как следует. Все будет: квартира, море, курорты, деньги, шмотки ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. То есть вы меня покупаете?

ВЛАДИМИР. Ждал ... Зачем? Зачем так грубо? Да каждый же из нас за женщину платит - не я сказал, поэт. Каждый платит. Всегда. Везде. Калым. Бишбармак.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вы даже не покупаете, перекупаете меня у мужа. Уверены: Самохвалов тоже купил меня за квартиру, за свой гарнитур, за машину! Так?

ВЛАДИМИР. Грубо, Лидуша, грубо. Я просто люблю ясность. Я - реалист. И я - гурман.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. И потому пьете только «пять звездочек»?

ВЛАДИМИР. Да, и люблю красивых женщин!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вас надо было бы познакомить с одной моей бывшей подругой. Ее точно так покупали всю жизнь, а она считала это любовью. Вам, кстати, не знакома фамилия Глушченко?

ВЛАДИМИР. Виктор Павлович! Откуда?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Знала его. Валю Вишнякову знали? Она моя подруга. Где она?

ВЛАДИМИР. Она - не знаю. Такая эффектная женщина. Цветок. Орхидея. А он - сгорел. Года три назад пошел на костер. Кажется, все описали. Три пятерки ему дали. И все-таки что же? Люблю определенность?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Не хочу я гореть с вами на одном костре! Прощайте.

ВЛАДИМИР. Идейность. И убежденность ... Ну, что ж, дорогуша. Подумайте. Мужу - ни. Зачем волновать? К тому же я сразу его уволю. Без собственного. Без мундира и пенсии.

Ушел с кухни. Пришел Самохвалов.

САМОХВАЛОВ. Чего вы тут?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Так. Говорили. Подслушивал?

САМОХВАЛОВ. Нет. Квартира у нас большая. Тут ты с ним, а мы там. Откуда мне слышать? А что?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я знаю, откуда идет твой план, калым, откуда эта мебель, деньги, ковры. Боюсь, Костя. Не кончится добром. Его посадят, тебя - тоже.

САМОХВАЛОВ. Меня за что? Я не ханыжу. Вожу - платит. Его дело. Я - шофер. Все.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. В законах есть статьи, что знающий о воровстве - сообщник вора.

САМОХВАЛОВ. А я ничего не знаю! И не лезь! Ну, ладно. Откровенно хочешь? Я что - не человек? Где я еще такую деньгу заломлю? Чаевые сшибать? Ездил, знаю. Пока план сделаешь, весь вымотаешься. Разных гадов, жмотов возить! А тут я стою, бензинчик экономлю. Не все равно мне? Ну, в крайнем беру, засыплется Володька, мне ничего не будет. Ну, от силы, может, условно ... Мало что он там химичит ... Его дело. А я - ничего не видел. Платит - его дело. Да он и не попадется. В законах сечет - будь-будь. У него там и всякие адвокаты, нотариусы друзья. Грамотный. Ладно. Спасибо. Предупредила.

1960 ГОД. ПИСЬМО

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я ушла от мужа без всяких размолвок, без предисловий. Собрала чемодан, связала узел. Самые необходимые мои вещи. Платья. Книги. Тетради. Все уместилось в одном такси. У Самохвалова он никогда не оставался ночевать. Самохвалову оставила ключи и письмо. «Дорогой муж! Вот и настала пора расстаться, так как еще год назад или больше я поняла, что совершила ошибку. Ты упрекал меня в холоде, в девичестве, а я ведь в самом деле была такой, ни с кем до тебя. Рождение сына - результат, как говорят и пишут в романах, минутной слабости, которую девушке не прощают. Ухожу, потому что уже увидела испуг в твоих глазах. Я не сужу тебя, не хочу быть пристрастной. Тебе не нужна женщина с иссеченным рубцами телом, да еще и с такой же душой. Я не могу дать тебе радости, которой ты ждешь или вправе ждать от женщины, не могу иметь детей, не переношу твоих друзей, их жен, их образ жизни - они похожи на сытых клопов. Каждый день отделяли нас все дальше. Я поняла это раньше тебя, потому ухожу первой. Ты еще женишься, найдешь жену по себе. Мое доброе пожелание на прощанье, которое ты вряд ли исполнишь: расстанься со своими друзьями, еще лучше, если и со своей профессией. И встречать меня не надо. Возвращаться не стану, развод согласна оформить когда угодно...»

1963 ГОД. ДОМ РЕБЕНКА.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Весной, в апрельский полдень, когда шел первый дождь, в дом доставили маленькую девочку в грязном платье, замурзанную, уревевшуюся. Девочка кричала, захлебывалась слезами, рвалась ото всех.

ЛЕЛЯ. Вот, нашли на вокзале. Пискуха. Брошена. Ни отца, ни матери. Года полтора.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. У вас работает Зина Лобаева? Вы не помните меня? Вас ведь Леля зовут?

ЛЕЛЯ. Не помню. У нас много кто работает. Лобаева? А, ну да, помню. Спилась она, сейчас на вокзале валяется с бомжами. До свидания.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Да успокойте же вы ее! Да это что за девочка, за визгуша! Сил нет! Лидия Петровна?!

Лидия взяла на руки кричащую девочку, погладила по спинке, девочка смолкла, всхлипывая, протяжно произнося что-то похожее на «мм-а-а-а».

Признала она тебя, что ли?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. С вами в роддоме встречались, не помните, Маргарита Федоровна?

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Не помню. По виду девочка здорова. Паровозница, орет! До чего громка! Такой крикуши поискать! Неуспокойка. Без матери не может.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. У нее уже судороги от крика ... А если я возьму ее?

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. То есть, как?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Возьму на воспитание. Как дочь.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Ну что вы, милая? Шутите? Всех не возьмешь. Завтра опять кого привезут.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я всех и не смогу. А эту, может быть, выхожу. Вы видите, у меня на руках она не плачет.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Ну, если вы серьезно ... Это благородно ... Но ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Вы возражаете?

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Нет, но ... Не получится ли ... Впрочем ... Ну-у. Это ... Тогда ... Пожалуй ... Если товарищи ... Алексей Иванович ... Тогда - да.

Девочка снова обняла Лиду за шею, замолчала, глубоко всхлипывала, успокаивалась.

Ведь вот молчит, а что делала? Орала - страсть! Прижалась и молчит. Сразу мать нашла. Не поторопись ... Обратно ... Но-о ... Здесь дети с дурной наследственностью.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. У девочки все в норме. И кровь, и ...

ОНЯ. Ты-ы ... Забы-а ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Забыла, дочка. Как тебя зовут?

ОНЯ. О-ня.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Соня?

ОНЯ. О-о-ня!

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Аня?

ОНЯ. О-оня.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Странное имя. Почему ты так плакала, доченька?

ОНЯ. Ты ушла-а. Ты - ма-а? Ты ушла ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мама. Я твоя мама. Онечка. Так и звать тебя буду: Оня.

ОНЯ. Мма-а.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А ты - Оня!

ОНЯ. Оня!

Девочка крепко обняла Лиду за шею.

1975 ГОД. ДОМ

На рынке.

КОШКИНА. Погоди-ка, девка ... Я ведь тебя, кажись, признала. Мы ведь с тобой, однако, в родильном вместе лежали. Да точно, с тобой! Твоего маленького я еще подкармливала. Молока у тебя не было. Не признаешь?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Кошкина! Алевтина Ивановна! Вот так так!

КОШКИНА. Признала? А я гляжу - ты не ты ... Вот встреча-то! Это ты чо? Не старишься, чо ли? Ну, конечно, я ведь много старше, да ведь и тебе, чай, не первая молодость? За сорок, поди, должно быть, а как девка. Коса-то, коса, гляди-ко! Моему Василию двадцать второй идет и твоему ведь столь же? Одной грудью кормлены, как братья. А это кто у тебя? Еще

дочка, чо ли? Не внучка ли уж? Не-е-еет, не внучка! Дочка. Видно. Сильно похожи ... Ах ты, дитяtko мое сладкое ... Иди-ко, я тебя молочком напою? А? Творожку поешь? Иди суды. К бабке. Бабка любит маленьких-то. Шибко. Да вот ... Память-то худая стала. Зовут-то тебя не вспомню ... Лидия, чо ли? Ты смотри-ко? Помню ведь! Не зашибло память-то. Мы тебя тогда, девка, шибко жалели. Ушла. Не знай к кому. С ребенком. Храбрая ты, однако! Ну, раз на войне была, как же ... А я и в деревню тебя ждала. Думала, вдруг объявишься ... Состарушилась я, конечно, не узнать стало. Где ты хоть сейчас-то?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Живу в доме ребенка. Там и работаю. Нянечкой. Сын служит.

КОШКИНА. Ух ты! Я, знаешь, городская стала. У сына в дому живу. Сын старший у меня, Геннадей, незадачливый такой. В город давно уехал, ну, жил-был, дом тут нажил, а потом с женой-то, понимаешь, и разошелся. Не пожилось им, и завербовался это на Север, в Тумень-ту, нефть искать, и уехал. Вот и живу. Дом в аккурат на Загородной, у болотины. Болотина, торфяник заросший, дак корову-то и телку пасу. И сенцо подкашиваю. Вот молочко-то и продаю. Куда мне одной? У болота, у лесу-то хорошо жить. Как в деревне. Воздух легкой. Кулички кричат. Утки. Жаворонки поют. Место мне по сердцу. Как живешь-то хоть?

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Замужем была. Не пожилось. В доме ребенка ... Моя дочка.

КОШКИНА. Поняла. Ишь, как она мой творог за обе щеки уплетает, а? Дак ты вот чего, девка. Это ведь случай, что мы через столько лет встретились. Айда-ко жить ко мне? Комнат-то у меня в доме пять. Переезжай ко мне и будешь у меня как дочка жить. И внучка будет. И мне веселее. Я уж одна без людей, без своих одичала. Вот вырастила детушек - одна осталась. Дом-то наполовину мой, и во всем я хозяйка. Дело тебе говорю. Переезжай. И за девочкой пригляжу, и тебе спокойнее ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А так можно?

КОШКИНА. Нужно, девка. Давай. Жду. Переезжай.

ПОЛЕ. МИР. ДАВНО ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ.

КОШКИНА. Ох, матушка-земля! И до чего же я тебя люблю! Всю-то жизнь я в тебе копаюсь. Всё мне не надоело.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мама ... Мама ... Мамочка ты моя ...

КОШКИНА. Ну вот, видала, как легко чужого человека мамой назвать? Не плачь.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Мама. Мамочка. Мама моя ...

КОШКИНА. Это чо же вот, смотри-ка, Лида, ведь, видно, не по крови меж людьми родство, а по какой-то другой причине? Я ведь с вами, родней родных живу, а со своими, бывало, дым коромыслом. Вот возьми: муж и жена. Сходятся совсем чужие люди, а потом оказывается, роднее нету. У меня на людей как будто нюх какой. Другого дак вот даром не надо. Бывало, на рожу погляжу, в глаза ... Всё. Всё тамо написано, припечатано. Не скроешь. Улыбайся не улыбайся. Человеку родство по другой, видно, статье дается. Вот оно, весна-то, девки! Разлилась! Ох, солнышко-батюшко, какое ты нонче светлое! Пасха-то нонче с дождем была, однако и лето мокрое будет ... Ну и дож, девки, хорошо. Бывало, ему молишься, молишься - нету. Скупится Господь. У нас сторона-то в деревне засушливая. Бывало, дак жалко землю. Жалко смотреть: вся истрескается в синь-порох. А дож-то пойдет, дак пьет не напьется, инда чмокает, как кошка. Жива земля-то ...

1979 ГОД. СЫН

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Он написал мне: «Все хорошо. Служу. Перевели в другую часть. Здесь спокойно. Возможно, приеду. Ближе к лету. Не беспокойтесь. Петр». Последний перевод и письмо. Летом меня вызвали в военкомат. Майор Василий Васильевич теперь

был подполковником. Он обнял меня. Обнял. А потом я ничего не запомнила. Очнулась в больнице. ... Когда душманы окружили колонну с продовольствием, сын командовал сторожевым охранением. Его бронетранспортер шел одним из первых. Ракетой транспортер подбили. Сын, уже раненный, приказал прорываться. Колонна вырвалась. У сгоревшего транспортера сын остался с несколькими солдатами, ручным пулеметом и гранатами. Приказав солдатам отползать, остался один, стрелял, пока были патроны, отбивался гранатами. Последней взорвал себя и окруживших, бегущих к нему.

ПЕТЯ. У меня всё хорошо, мама.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Я уснула. И тотчас я увидела: шел и шел куда-то во мглу, в осеннюю тьму поезд, нескончаемый эшелон, вагон за вагоном, вагон за вагоном. Он шел и шел, и вдруг с одной из его площадок прыгнул, побежал ко мне худощавый человек в шинели. Я узнала сына! Это был он! Мой сын! Он подбежал ко мне, и мы стояли, я вглядывалась в его лицо. Я не видела его уже пять лет! Ни разу. И вот сын стоял передо мной в шинели, в фуражке, с каким-то вещевым мешком на одном плече. - Как ты? Как? Что? - спрашивала я, глядела и радостно трепетала. Значит, жив, жив! Значит, он живой! Что отвечал мне сын? Не помню. Вроде бы утешал, как обычно: - Все хорошо. Ничего ... Но я чувствовала, я чувствовала, сейчас мы расстанемся. И опять надолго-надолго. - Как ты? Как? Может быть, останешься? Может быть, останешься?! - Нет. Что ты ... Вон ... - кивнул на все идущий, идущий мимо в осеннюю тьму поезд ... - Надо бежать! Повидались ... Надо! - Он кивнул мне и вот уже бежал к эшелону, мелькнул, исчез ...

НАШЕ ВРЕМЯ. ПОЛЕ. СТОЛЫ. ТАБУРЕТКИ.

ЛОБАЕВА. «Весталку, нарушившую, обет девственности, живой закапывали в землю».

ЛИДА. Страшная, изуверская казнь. Но лучше бы я пошла на нее, если б знала - сын мой останется жив. Сбылось мое предчувствие, когда я первый раз увидела его, чужого, одетого в черную суворовскую шинель. Погиб, исполняя присягу, солдатский долг, спасая многих. Одиннадцать нападавших были убиты взрывом его гранаты. Двенадцатый - он сам.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. А меня перевезли в госпиталь инвалидов Отечественной войны. Я пробыла там пять месяцев. Почти полгода. Дочь и Кошкина попеременно ходили ко мне. Когда наконец выписалась, мне дали квартиру, я стала инвалидом Отечественной войны, но осталась работать в том же госпитале. Так уж само словно получилось. Мне казалось, что здесь я ближе всего к несбывшейся сути моей жизни и к тому понятию долг, которому прямо или косвенно - а долг всегда смыкается с представлением об обязанности, необходимости и чести - я служила уже четвертый десяток своей жизни.

АЛЕША. Срок весталки не тридцать лет служения богине родины, домашнего очага, семьи и женского счастья, богине нравственности и чистоты - он длится всю жизнь, и не надо тешиться иллюзиями избавления от долга.

МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА. Долг - не кара, не стремление оправдать свою жизнь в чьих-то глазах - он просто суть всякой честной жизни, ее главное содержание и условие. Уклонение от долга - и есть начало распада личности. Всегда, везде, во всем ...

КОШКИНА. Какому-то мужику вся жизнь - счастье, что у своей же бабы получку спер, может, последнюю денежку, посудину взял, выжрал и рад - все счастье там, на доньшке нашел. И таких сколь хошь. Мужик у меня, прости Господи, из таковых был. Другой вот, как твой таксист, ему бы только денег больше накачать. Третьему и денег, и машин, и баб - всего мало. Лошадь не любит, а человек и подавно, в вожжах, в хомуте-то жить-ходить.

ВЛАДИМИР. А для чего, по-твоему, человек жить должен? Ну-ка? Вот скажи мне? Для чего?

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Для чего человека Господь, или не знаю кто там, на свет произвел? Ин дер нахт ист айн менш них герн алляйне ... Какую лису мне на плечи купил недавно мой генерал ... А я - генеральша!

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ. Домушку выстроить да деток вывести. Вот для чего человек.

КОШКИНА. Неет ... Это и птичка умеет ... А ты выше бери. Для чего?

ЛЕЛЯ. Вот вопрос. На него и ответ найти нелегко.

ТАИСЬЯ. Ум метается, ищет тетрадные мудрости, прописи, лозунги.

КОШКИНА. Не майся, все равно не найдешь, пока не объясню. Вот что! Для украшения Земли человек должен жить! Не грызть Землю без ума, как мышь краюшку, не расплжаться, а улаживать-обихаживать, как дом или поле, свой огород ...

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА. Ну ты скажешь, тоже ... Нет, для удовольствия!

КОШКИНА. Раньше-то люди праздник великий имели: Духов день. Земля-именинница. Когда птица гнезда не вьет, а девица косы не плетет. Баской праздник. Тихой. И всегда, знаешь, на его хорошая погода стоит. Не жарко, бывает, и дождичком покропит. Восплачется Земля тихонько, и она, матушка, праздник понимает. Нельзя его забывать. Великий грех людям. Нельзя в огороде в этот день работать! Земля-именинница! Для украшения Земли человек должен жить!

ФИСА. Для украшения Земли человек должен жить ...

САМОХВАЛОВ. Для украшения Земли человек должен жить ...

ПЕТЯ. Для украшения Земли человек должен жить ...

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА. Поезд мчался. Качал вагон. Я ехала в Москву. Мне в Кремле должны вручать орден. Я глядела в окно. Пошли овражистые места с полями и перелесками, и большой дуб, последний из взобравшихся на предгорья Урала, он долго провожал меня. Он стоял, как осиротелый воин, чуть наклонившись, в раздумье, приспустив к земле огромные черно-могучие и узловатые сучья-руки, в полуоблетелой листве, подставив грудь ветрам. Я вспомнила тот дуб из «Войны и мира». А как не вспомнить, глядя на такое дерево то, что принадлежит сердцу каждого русского человека? *«... Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия - ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробивались без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что это старик произвел их. «Да это тот самый дуб», - подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна - все это вдруг вспомнилось ему. «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, - вдруг окончательно и бесповоротно решил князь Андрей. - Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтобы и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо. Надо, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мной вместе ...».* И этот дуб навел меня снова на мысль, что есть понятия, гораздо большие, чем я и моё. Гораздо большие, вот они - солнце, светящее всем нам, земля, которая столько раз спасала меня, кормила меня, учила меня, и даже, может быть, вот этот многостолетний дуб в чистом поле, который один остался от леса и терпит, живет, красуется, последний, не ссеченный нуждой и войной, есть то, что люди называют правда, - истина, всегда возвышающая человека, дающая ему силы и верить, и терпеть, и надеяться, когда все кажется разбитым, а жизнь невыносимой. И есть мужество, качество только человека, которым он может противостоять любому злу, самой судьбе. И чем

больше я вдумывалась в эту суть, ясней понимала: жизнь не кончается вместе со мной, все продолжается, и ее понесут дальше такие же, как я, и лучше меня. И дай Бог, чтобы человек на Земле остался Человеком, во всей славе своей и во всем лучшем своем, что призвано хранить, рождать и спасать. Об этом, кажется, и шепчут мои плачущие губы.

... И снова это поле, на поле столы, табуретки ...

Идут к столам женщины, и у каждой в руке – сверток, детей несут.

Идет Лида к столу, где празднуют день рождения, держит в руках сверток – сына несет.

Смотрят на нее – кто осуждающе, а кто плачет.

Темнота

Занавес

КОНЕЦ

Екатеринбург, март 2022 года